

Михаил
СЕРЕГИН

ПАЦИЕНТ МАФИИ

ДОКТОР

ЭКСМО

РУССКИ СЕЛЛЕР

Доктор

Михаил Серегин

Пациент мафии

«Научная книга»

2002

Серегин М. Г.

Пациент мафии / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2002 — (Доктор)

Для врача «Скорой помощи» Володи Ладыгина никакой загадки не было. Раненый умер не от пули киллера, а от удушья. Потому что у него в горле застряла пластиковая капсула. В капсуле оказался микрофильм с компроматом на мафиозную группу, стоящую во главе оборонного концерна. Что с этим делать, врач не знал. Зато мафия прекрасно знала, что делать с врачом. И наслала на него своих «эскулапов». Так что Ладыгин поставил самому себе неутешительный диагноз – летальный исход. Теперь он должен решить, что ему делать – погибать от руки убийцы или спастись бегством...

Содержание

Михаил Серегин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Серегин Доктор: Пациент мафии

Лучи фар выхватили из темноты две женские фигуры. Женщины возбужденно размахивали руками, указывая, куда ехать, и суетливо побежали перед «Скорой» во двор, поминутно оглядываясь, как будто боялись, что мы исчезнем.

– Уйди из-под колес, чума! – презрительно бормотнул сквозь зубы Степаныч, поворачивая руль.

Мы въехали в полутемный каменный тупик, образованный тремя шестиэтажными домами. Я успел заметить тени больших деревьев в глубине двора, крышу детской беседки, силуэт легкового автомобиля, возле которого толпились люди.

Видимо, это были местные жильцы – одетые в большинстве по-домашнему, некоторые даже в тапочках. Все они как по команде махали нам руками, будто сомневались в нашей способности соображать. Когда мы подъехали ближе, люди расступились, и мы увидели распротертое на земле тело.

Рядом с телом стояли на коленях две женщины. Одна, постарше, в темном шелковом халате, заламывала руки и пронзительно кричала. Лицо ее было искажено гримасой отчаяния. Вторая, лет двадцати пяти, с русыми прямыми волосами, быстрыми сосредоточенными движениями ощупывала лежащего, словно пыталась найти скрытые повреждения. Когда ее осветили лучи фар, она отвернула бледное плоское лицо и медленно поднялась с колен. На ней были выцветшие джинсы в обтяжку и простенькая куртка цвета хаки.

Степаныч остановил машину, и я выпрыгнул из кабины. Следом за мной выскочила моя помощница Инна – девушка весьма привлекательная и не менее серьезная. Наши с ней беседы неизменно заходят в тупик, едва я пытаюсь вывести их за границы чистого знания. Иногда мне кажется, что бог создал ее исключительно для служения медицине, но для чего он снабдил ее густыми волосами цвета спелой ржи, носиком идеальной формы, пухлыми розовыми губами и пусть чуточку тяжеловатыми, но все-таки восхитительными ногами?! Для меня сейчас это – самая важная тайна природы, и все мои мысли сосредоточены на ее разгадке.

Правда, мне постоянно мешают. Во-первых, сам объект исследования не желает сделать даже шаг навстречу, а во-вторых, постоянно возникают какие-то посторонние обстоятельства, которые отнимают массу сил и времени. Сейчас таким обстоятельством явилось огнестрельное ранение во дворе на Электрозаводской улице. И хотя мы люди мирные и в чем-то даже скромные, отдуваться за чужие шалости с оружием придется сейчас именно нашей бригаде.

Из салона с носилками в руках выскочили наши мужественные санитары, студенты мединститута Вадик и Славик. На их бесстрастных лицах была написана готовность нести кого угодно и куда угодно. «Доктор сказал – в морг, значит – в морг!» – любимая шутка Вадика.

Сверкая во тьме белизной халатов, мы, точно призраки, вступили в круг перепуганных возбужденных жильцов.

– Так! Немедленно всем отойти! – объявил я суровым голосом. – Не перекрывать кислород! Кто может сказать, что случилось?

– Я скажу, я! – затараторила какая-то женщина, выскакивая в полосу света. – Я живу на первом этаже – окно открыто. Слышу – шум, будто дерется кто-то. Я выглянула. Но плохо видно было. Мужчина вроде побежал – сюда, к машине. А тут – выстрел! Но негромко так, как будто шампанское открыли... Он вроде упал, а эти за ним побежали. А тут муж велел окно закрыть, и я сразу Казариным позвонила, потому что это их машина... Я думала, может, угнать хотят, а это он сам и оказался... А «Скорую» уже Казарина вызывала...

Я присел около распростертого на земле тела, нащупал сонную артерию. Пульс безбожно частил. Из глотки лежащего вырывался неприятный свистящий звук. Человек был без сознания.

– Он жив? Доктор, он жив?! Что же вы молчите?! – истерически закричали над моим ухом.

Я поморщился и оглянулся.

– Вадик, Славик – быстро его в машину! Только осторожно – возможно, повреждение позвоночника. Инна, жене – успокаивающее!

Мы положили мужчину на носилки. Санитары, крякнув, подхватили их и помчались к автомобилю. Жильцы расступились. Передо мной на секунду мелькнуло лицо девушки в джинсах – она как сомнамбула двинулась вслед за носилками.

Я забрался в салон. Жена Казарина с остановившимися глазами сидела в кресле сопровождающего, вцепившись в край операционного стола, на котором уже лежал ее муж.

– Вадик, ты с женщиной – в кабину! Инна, трахеотомический набор! Славик – кислород!

Лицо раненого синело, из горла вырывался надсадный сип. Налицо были симптомы удушья, хотя повреждений шеи я не заметил. Огнестрельное ранение затронуло затылочную и височную кости – над правым ухом мужчины тянулся сочащийся темной кровью желобок, оставленный прошедшей по касательной пулей.

Мы вскрыли трахею и вставили дыхательную трубку, подключили кислород. Лицо раненого медленно приобретало обычную окраску.

– Инна, – скомандовал я, вводя в ротовую полость Казарина ларингоскоп. – Готовь систему – лазикс, преднизолон...

В просвете ларингоскопа я увидел предмет, послуживший причиной удушья. Это был маленький черный цилиндрик. Мне удалось сразу же извлечь его. С виду он был похож на таблетку из черной пластмассы.

Я поднял глаза – Инна фиксировала на локтевом сгибе раненого иглу. Славик следил за манометром, а с бокового сиденья на меня внимательнейшим образом смотрела девушка с плоским неприятным лицом.

– Вы кто? – резко спросил я.

– Родственница, – невнятно пробормотала девушка, отводя глаза.

Что-то настораживало в ее поведении, в ее сутулой, по-походному одетой фигуре. Она сама казалась здесь инородным телом.

– Вон из машины! – коротко сказал я, машинально опуская черный цилиндрик в карман халата.

Некрасивое лицо девушки приобрело угрюмое и настырное выражение. Она, кажется, собиралась что-то возразить, но в этот момент темноту двора озарили тревожные синие сполохи – в подъезд влетела дежурная милицейская машина. Мне не было до нее никакого дела, но на секунду я отвлекся, а когда поднял глаза – настырная девушка уже исчезла. Я тут же забыл о ней и дал команду в кабину:

– Жми, Степаныч!

Он завел мотор и начал сдавать машину назад. Дотошные стражи порядка все-таки не дали нам так просто уехать, и в салон заглянул раздраженный и подозрительный лейтенант.

– Некогда, начальник! – заорал я и сунул ему визитную карточку, на которой имелись мои координаты. – Найдешь меня, если приспичит!

Степаныч включил маячок и сирену, и мы помчались. Я велел Вадиму, сидящему в кабине, сообщить по рации, чтобы готовили операцию. Инна подняла на меня свои изумительные ореховые глаза и чрезвычайно серьезно спросила:

– Довезем?

Я не стал отвечать, потому что ответ был мне неизвестен. Я посмотрел на нашего пациента. Он дышал, но по-прежнему находился в коме. По его бледному лицу с запавшими щеками трудно было понять, сколько ему лет. Вообще трудно было понять что-либо, кроме того, что дела его исключительно плохи. Хотя пуля прошла по касательной, она, видимо, вызвала ушиб мозга и внутримозговое кровоизлияние. Вдобавок состояние усугубилось этой странной асфиксией.

Я нащупал в кармане пластмассовый цилиндр. Как в дыхательных путях Казарина могла оказаться эта штука? Выходит, он зачем-то держал ее во рту, а в момент ранения непроизвольно вдохнул? Может быть, и в самом деле это какая-то таблетка? Нужно будет спросить жену Казарина, принимал ли муж какие-нибудь необычные лекарства.

В больнице нас уже ждали. В считанные секунды неподвижное тело Казарина было перемещено на каталку, и его повезли в операционную. Нейрохирург Тяжлов, громадный, кажущийся неповоротливым в своем бледно-зеленом операционном одеянии, сумрачно выслушал мои краткие пояснения и мельком взглянул на инородное тело.

– Что в лоб, что по лбу! – философски заметил он и ушел в операционную.

Жена Казарина сидела в коридоре, в том же домашнем халате, сцепив руки на колене и неотрывно глядя в одну точку на белой стене. Она оказалась довольно привлекательной особой, хотя и заметно подурневшей после обрушившегося на нее несчастья. Но, пожалуй, ее лицо все-таки больше портила привычная маска высокомерия, которая вообще характерна для посетителей нашей больницы. У нас не бывает «простых» пациентов. И наша «Скорая» не откликается, когда набирают 03. Если Казарина набирала наш номер телефона, значит, у нее имеются причины смотреть на мир несколько свысока. Это может быть высокая должность мужа, или мешок с золотом под кроватью, или какие-то тесные связи, которые тянутся высоко-высоко...

Но сейчас меня не интересовали причины чужого благополучия. Меня разбирало любопытство по поводу черной таблетки, которую Казарин держал во рту, когда нарвался на пулю. И я напрямик спросил об этом убитую горем женщину, представив дело так, будто без ответа на этот вопрос невозможно дальнейшее лечение.

Она взглянула на пластмассовый кружочек с полным равнодушием.

– Мой муж не принимал лекарства, – глухо ответила она. – Он был очень здоровым человеком. Энергичным. Он три раза в неделю посещал тренажерный зал. Голыми руками с ним было не справиться. Поэтому они застрелили его.

– Почему вы говорите – был? – возмутился я.

– А вы думаете, что он выберется? – с сомнением спросила женщина, устремляя на меня полный тоски взгляд.

– Всегда есть надежда, – осторожно заметил я, убирая неизвестный предмет в верхний карман пиджака. – А кто это – они? Ему кто-то угрожал?

– Ах, да ничего я не знаю! – раздраженно сказала Казарина. – Последние месяцы он был сам не свой. Все время на нервах. Он ничем со мной не делился. Но я знаю, что у него была масса врагов. В свое время он должен был занять место первого заместителя директора своей фирмы, но его подсадили, и с тех пор у него не было ни минуты покоя... – Она замолчала и, опустив голову, быстро вытерла глаза тыльной стороной кисти. – Если у вас больше нет вопросов, оставьте меня... Мне тяжело говорить!

Я ретировался. Вскоре диспетчер отправил нашу бригаду на очередной вызов, потом еще на один... Под утро мы полтора часа выводили из кардиогенного шока отставного генерала внутренних войск, и я начисто забыл о Казарине.

Отдежурив на «Скорой», я приступил к работе в своем реанимационном отделении, где опять занимался с несчастливым генералом и еще с одним пациентом, который поступил из терапии со внезапным желудочным кровоизлиянием. К концу рабочего дня обоим стало немного лучше, и я счел это хорошим предзнаменованием.

Перед уходом я увидел в коридоре Тяжлова и вспомнил о ночном вызове.

– Иван Николаич! – окликнул я. – Минуточку! А где же прооперированный? Неужели минуя реанимацию?..

– Ты имеешь в виду этого... Казарина? – хмуро уточнил Тяжлов. – Он, брат, все миновал... Скончался прямо на столе, нарастающая гематома, вдавление ствола... В общем, и охнуть не успел, как на него медведь напал! Готовь теперь объяснительную... Его дамочка наверняка постарается из нас все соки выжать!

– По-моему, она не из таких, – заметил я.

– Ха! Рассказывай! Я здесь пятнадцать лет – они все из таких! Других здесь не бывает.

– А ты, Иван Николаич, уже написал?

– Я успею. Я все равно сегодня опять дежурю. А раньше чем завтра все равно ничего не начнется. Тут еще заключение судмедэксперта, то-се... Ты домой, что ли? Счастливчик!

– Это есть! – согласился я.

Во дворе больницы всюду сияло майское солнце. Кудрявая тень вековых дубов лежала на зеленом шелковом газоне. Высокий каменный забор окружал со всех сторон территорию больницы, больше похожую на романтический парк. Вдоль асфальтовой дорожки, ведущей к воротам, благоухали кусты персидской сирени. Однако оставаться в этом великолепии не хотелось ни минуты, и я, не задерживаясь, пошел к пропускному пункту.

Охранники придирчиво осмотрели мой пропуск и с большой неохотой выпустили. На входе у нас сидят дюжие ребята из охранного агентства «Гепард». Они стригутся под полубокс, носят пятнистую униформу и воображают, что за их спиной – граница. У них в задней комнатке имеются даже автоматы, только они стараются их не показывать.

Я знаю еще, что по всей территории понатыканы видеокамеры и вдоль забора протянута сигнализация. Так что враг не проберется к нам ни за какие коврижки, разве что на реанимобиле с дыркой в голове.

Вырвавшись из рук наших церберов, я направился к станции метро. Первым инстинктивным желанием было отправиться домой и бессовестно завалиться спать, презрев все соблазны майского дня. Но потом моя подлая натура подбросила мне как бы нечаянную мысль. Мысль была окрашена в трогательно-сентиментальные цвета и пахла сиренью. Может быть, потому что увиделись мы впервые именно в мае.

Это был самый разгар передела собственности – безжалостное, волчье время. За месяц сколачивались состояния, ежедневно убирались конкуренты, кровь лилась рекой. Марина работала криминалистом, вместе со следственной группой раскручивала уголовные дела. На одном деле, связанном с вывозом цветных металлов, она и погорела. В самом прямом смысле. В один из прекрасных майских дней она села в машину, чтобы отвезти в прокуратуру материалы по делу. Автомобиль взорвался. Марина чудом осталась жива, но получила ожоги рук и шеи. Я работал тогда на обычной «Скорой» и отвозил ее в больницу.

Потом я навещал ее, приносил фрукты и цветы. Меня поразили ее глаза. В них была какая-то необыкновенная глубина и ожидание чуда. Вместо чуда появился я.

Какое-то время мы встречались, но Марина так и не смогла оправиться от потрясения. Ожоги не столько изуродовали ее, сколько привили ей массу комплексов.

В любое время года она носила свитера с высоким воротом и длинными рукавами. Она потеряла интерес к практической работе и устроилась преподавателем в Высшую школу милиции.

Она была ровна и искренна в общении, но я видел, каких сил ей это стоило и как она, точно улитка в раковину, уходит в себя, опасаясь выказать более сильные чувства. Теперь я понимаю, что она опасалась разочарования. Ей казалось, что встречи наши слишком случайны и мимолетны, а намерения мои чересчур туманны и руководит мной не любовь, а жалость.

А я был слишком нетерпелив и не слишком проницателен, принимая ее сдержанность за равнодушие. Я был настолько слеп, что зачастую позволял себе изображать страдальца, ревнующего и оскорбленного, не понимая, что причиняю этим Марине новую боль и увеличиваю пропасть между нами.

Мы встречались все реже, а встречи делались все холоднее. Это было невыносимо для нас обоих, и мы предпочли расстаться. Иногда мы перезванивались, в основном когда появлялся повод поздравить друг друга с праздником, но шага навстречу никто уже не решался сделать. Мы взяли за правило придерживаться в разговоре шутливого, ни к чему не обязывающего тона, будто в нашей жизни ничего особенного не произошло.

Однако в душе у меня словно засела заноза, и время от времени я ловил себя на мысли, что ищу любой, самый незамысловатый повод для новой встречи с Мариной.

И вот сегодня такой повод, кажется, появился. Он был достаточно надуман, но кто же, как не криминалист-профессионал, поможет мне разгадать секрет черной пластмассовой штучки, которую некоторые граждане носят во рту, когда у них неприятности на службе! Охваченный радостным возбуждением, я спустился в наполненное гулом подземелье и запрыгнул в голубой вагон.

Я очень часто на своем веку влюблялся. Влюбленности эти оканчивались по-разному. Но, кроме любви к женщинам, была в моей жизни любовь, которая никогда не остывала и не приносила разочарований и боли. Я был влюблен в Москву.

Я влюбился в нее окончательно и бесповоротно семнадцать лет назад, когда приехал сюда учиться из провинциального Саратова. Москва – это волшебство, непостижимое чудо. Она бесконечна и бессмертна. Она заряжает энергией, как огромный аккумулятор. В ней кипит и сверкает жизнь. Ее сюрпризы неисчерпаемы.

Я проваливался в метро, словно в черную дыру, и с широченных проспектов, наполненных движением, вдруг попадал в тихий патриархальный уголок, где шумели березы и на зеленой траве желтели одуванчики; из старинных узких переулков вдруг переносился на простор облитых голубым воздухом холмов. Я садился в метро на Кузнецком Мосту, где хлестал беспросветный дождь, и выходил на станции «Красногвардейская», где всюду сияло солнце и ни одна тучка не омрачала небосвод. Это был не город, это были тысячи городов сразу. И тысячи шансов.

У меня появились друзья, связи, и наконец мне удалось пристроиться в эту полузакрытую больницу для избранных. Я работал в отделении реанимации и здесь же в отделении скорой помощи подрабатывал. Раньше казалось, что в таких заведениях должны работать только светила медицинской науки, но потом я убедился, что, кроме светил, требуются и обыкновенные рядовые специалисты вроде меня, потому что кто-то должен пахать. Работа не показалась мне сложнее прежней. Специфика состояла в том, чтобы всегда держать язык за зубами. Наши пациенты платили за лечение деньги – и деньги немалые, – поэтому врачебная тайна соблюдалась неукоснительно, как в Сицилии закон молчания...

В школу МВД меня дальше порога не пустили. Дежурный поинтересовался, по какому вопросу я разыскиваю Антипову Марину Петровну. «По личному», – еле сдерживаясь, ответил я. Он посмотрел на меня с таким сомнением, будто я был кандидатом в каторжники и в ближайшие пятнадцать лет не мог рассчитывать на личную жизнь. Однако куда-то позвонил, и не прошло тридцати минут, как появилась Марина.

Она была в легком свитере с воротником, подпиравшим подбородок, и с рукавами до запястий. Увидев меня, Марина поражено округлила глаза и улыбнулась.

– Какими судьбами? – удивилась она, но мне показалось, что в ее голосе все-таки проскользнули радостные нотки.

Я протянул ей букет сирени, который купил на остановке, и сказал, что соскучился. Вообще-то меня подмывало купить розы, но потом все же выбрал сирень... Увидев букет, она негромко рассмеялась и махнула на меня рукой.

– У меня сейчас лекция, – сказала она. – Куда я с такой охапкой?

– Это просто такой знак, – сообщил я. – Знак о моих намерениях, а ты теперь его можешь хоть в урну выбросить.

– Давай, Марина Петровна, я пока в кастрюлю поставлю! – предложил дежурный, с интересом вслушивающийся в наш диалог. – Домой пойдешь – захватишь.

Марина отвергла кастрюлю и, взяв наконец букет, увела меня в конец коридора. Мы остановились у окна, и я спросил:

– Ну и как ты поживаешь?

– Ты появился, чтобы об этом спросить? – сказала она. – С удовольствием удовлетворила бы твое жгучее любопытство, но мне правда нужно сейчас бежать – я ушла с лекции... У тебя же есть мой телефон – ты можешь в любой момент позвонить...

– Не доверяю я этим телефонам... – пробормотал я.

– Ну тогда выкладывай по-быстрому – с чем пришел, – предложила она. – И проваливай!

Это было не совсем то, на что я рассчитывал, но делать было нечего. По крайней мере, у меня будет повод встретиться еще раз. Я достал из кармана кусочек пластмассы и протянул его Марине.

– Слушай, ты, как криминалист, можешь определить, что это за хреновина? Я не уверен, но возможно, что именно из-за нее ухлопали человека.

Она покачала цилиндрик на ладони и зажала в кулак.

– Ладно, попытаюсь. Чего не сделаешь для старого друга! Позвони денька через два, ладно?

– Позвоню обязательно.

Я наклонился и поцеловал ее в щеку – это был невинный, почти братский поцелуй. Марина покачала головой, рассмеялась и сказала:

– На тебя так весна действует? Или ты пытаешься подлизаться к опытному криминалисту?

– Скорее первое, – серьезно ответил я.

Она махнула рукой и, ничего больше не сказав, ушла.

А я, оставшись один, странным образом мгновенно потерял всякий интерес к пластмассовой таблетке, и вся эта суета вокруг нее показалась полной глупостью. Гораздо больше меня терзала теперь неудовлетворенность от нашей встречи с Мариной. Я был недоволен собой и чувствовал себя дураком. В таком состоянии духа я и приехал домой.

Поднявшись к себе на седьмой этаж, я отпер дверь своей холостяцкой квартиры и первым делом направился к холодильнику. Мне хотелось есть. Но не успел я распахнуть дверцу, как раздался звонок в дверь. Чертыхнувшись, я пошел открывать.

На пороге стоял невысокий худощавый человек в сером костюме и черной рубашке без галстука. У него были усталые недоверчивые глаза и жесткие складки у рта.

– Вы – Ладыгин Владимир Сергеевич? – поинтересовался он.

Я кивнул, пытаясь вспомнить, видел ли я когда-нибудь этого человека.

– Следователь прокуратуры Рыбин, – коротко представился он. – Приезжаю к вам уже второй раз. Можно войти?

Я пожал плечами:

– Пожалуйста!

Он вошел и быстрым взглядом окинул мое жилище.

– Однокомнатная? Так-так... Владимир Сергеевич, вы вчера увозили на «Скорой» некоего Казарина?

Я кивнул.

– Что-нибудь можете о нем сказать?

Мне ничего не оставалось, как опять пожать плечами.

– Да, пожалуй, ничего. Я могу сказать что-то о его ранении, состоянии... а о нем самом?

Жена его толковала о каких-то неприятностях. Спросите у нее...

Рыбин пронзительно посмотрел на меня и спокойно сказал:

– Я обязательно последовал бы вашему совету, но, к сожалению, Казарина Галина Николаевна сегодня утром исчезла.

...Галина Николаевна Казарина выслушала сообщение нейрохирурга без слез. Внутренне она уже была готова к такому исходу. Она потеряла способность четко мыслить, и все чувства ее притупились. Как сквозь сон, до нее доносились слова врача – он говорил что-то о костных осколках, о базилярной артерии, о нарастающей гематоме – Казарина слушала и не слышала его.

А Тяжлов, недовольный собой, говорил нарочито строго, глядя прямо в глаза женщине, которая только что стала вдовой, в чем, наверное, была доля и его вины, говорил обстоятельно, обильно пересыпал речь медицинскими терминами, пока наконец не сообразил, что старается впустую.

Казарина еще некоторое время смотрела на хирурга, будто ожидая продолжения, а потом произнесла бесцветным голосом:

– Я хочу уйти. Кто-нибудь может проводить меня?

Тяжлов, спохватившись, сказал поспешно:

– Да-да, разумеется! Пойдемте со мной!

Он зашагал по коридору, высокий, громоздкий, точно борец-тяжеловес, сверкая по сторонам недовольным взглядом из-под насупленных бровей. Казарина послушно шла за ним, сунув руки в карманы домашнего халата. Тяжлов открыл дверь в кабинет старшей сестры и сказал:

– Наталья Ивановна, прошу вас – проводите женщину до проходной и вызовите такси!

Старшая сестра, некрасивая брюнетка с властным лицом и орлиным носом, почтительно поднявшись, заверила, что все будет выполнено. Тяжлов обернулся к Казариной и почти обрадованно сказал:

– Ну вот и отлично. Вам нужно непременно сейчас отдохнуть! – Он на секунду сжал ее плечо своей твердой, пахнущей йодом ладонью и, сделав значительное лицо, добавил: – Мужайтесь!

После чего повернулся и широким шагом устремился прочь по коридору. Возле Казариной тотчас выросла внушительная фигура старшей сестры, затянутая в хрустящий белый халат.

– Пойдемте, милочка! Меня зовут Наталья Ивановна, – представилась она. – Вы ведь супруга того мужчины – с огнестрельным ранением? Я так и поняла. Дети есть? Нет? Что ж, хоть в этом вам повезло... Недавно к нам привозили одного предпринимателя – с проникающим черепно-мозговым, – жена осталась одна с тремя детьми... Конечно, деньги, но ребенку нужен отец!

Развлекая Галину Николаевну подобными рассуждениями, старшая сестра довела ее до проходной и вызвала по телефону охраны такси.

– Эта женщина подождет у вас машину! – заявила Наталья Ивановна стриженным ребятам, которые снисходительно посматривали на нее с высоты своего почти двухметрового роста. – Поможете ей сесть. И будьте повежливее – уже поступали жалобы, что вы обращаетесь с посетителями, как с чеченскими террористами!

Ребята переглянулись, а потом один, лениво перекатив во рту жвачку, равнодушно бросил:

– Клевета! Это не про нас. У нас только благодарности и поощрения...

Наталья Ивановна неопределенно покачала головой, напоследок так же сказав Казариной: «Мужайтесь!» – и ушла в корпус. Охранники, бросив на Галину Николаевну несколько любопытствующих взглядов, вскоре отвернулись и погрузились в негромкую беседу.

Казарина чувствовала себя неуютно – больничный забор, стриженные затылки, запахи сирени, странным образом смешанные с невыветривающимся больничным запахом, раздражали ее. Хотелось спрятаться, убежать от людей. Она, поколебавшись, толкнула дверь пропускного пункта и вышла на улицу.

Утреннее солнце едва позолотило крыши домов и запалило края облаков, протянувшихся в восточной стороне небосвода. Кроны деревьев вдоль тротуаров казались темными и наполненными влагой. Зябкий ветерок пробежал время от времени по пустой улице, едва тревожа листву. Из-за домов доносился шум пробуждающегося города.

Галине Николаевне стало немного холодно и неловко от того, что она стоит посреди улицы в халате. Она беспомощно оглянулась и вдруг увидела неизвестно откуда взявшуюся «Волгу» грязно-серого цвета с тонированными стеклами. Водитель открыл правую дверцу и, перегнувшись через сиденье, любезно спросил:

– Вас куда-нибудь отвезти, женщина?

Казарина с облегчением шагнула к машине и опустилась на переднее сиденье.

– Только вам придется подождать у дома, – предупредила она. – У меня нет с собой денег.

– Ничего страшного, – успокоил ее водитель, запуская мотор. – Куда едем?

– Электрозаводская, – сказала Казарина устало.

Водитель кивнул. Он был довольно молод – на вид лет тридцать, – с круглым самоуверенным лицом и пухлыми чувственными губами. Одет он был в бежевую замшевую куртку и линялые джинсы. Круглую голову его покрывала выдавшая виды кожаная кепка. В манере управлять автомобилем чувствовалась едва сдерживаемая, бьющая через край энергия.

На углу «Волга» внезапно затормозила.

– Подсадим товарища, – деловито сказал водитель.

В окне мелькнула долговязая фигура в темном костюме – Казарина не успела ее как следует рассмотреть. Мужчина открыл дверцу и быстро сел на заднее сиденье. «Волга» тронулась. Казарина безотчетно отметила, что новый пассажир почему-то не удосужился поинтересоваться, куда они едут, но тут же забыла об этом, занятая своими мыслями.

Однако, когда машина, проехав по Малой Бронной, проскочила Садовое кольцо и устремилась по улице Красина, все дальше увозя Галину Николаевну от ее дома, она встревожилась.

– Мы не туда едем! – раздраженно сказала она.

– Туда-туда! – почти ласково промурлыкал водитель, усмехаясь пухлыми губами.

Казарина оцепенела. Она с ужасом оглянулась. На заднем сиденье она увидела двоих! Кроме мужчины в темном костюме, там сидела невзрачная девушка в какой-то затрапезной студенческой куртке – видимо, она пряталась на заднем сиденье с самого начала. Галине Николаевне стало по-настоящему страшно. Не помня себя, она, как попавшая в западню птица, принялась биться в дверцу машины.

– Что же ты делаешь, дурашка! – с досадой пропел водитель и, быстро оглянувшись назад, прошипел: – Чего сидите, падлы?

В ту же секунду Казарина почувствовала, как сильные цепкие пальцы охватывают ее горло. В салоне вдруг появился резкий дурманящий запах, от которого перехватывало дыхание, и на лицо Галине Николаевне легла тряпка, пропитанная эфиром. Она задергалась, пытаясь сбросить удушающую маску, но чья-то беспощадная рука прижимала ее все сильнее и сильнее, пока Галина Николаевна не потеряла сознание.

«Волга» свернула в ближайший переулок и остановилась под аркой старого дома, из которой тянуло сыростью и сквозняком. Водитель сказал сквозь зубы:

– Быстро ее на заднее сиденье! И смотрите, чтобы она была как куколка. Не жуйте сопли! Высокий мужчина и девушка в куртке перетащили бесчувственное тело Казариной на заднее сиденье, и «Волга», зафырчав, тут же задним ходом вылетела в переулок и помчалась по направлению к Ленинградскому проспекту.

Казарину связали, сунули в рот кляп и наложили на глаза повязку.

– Она очнулась, Пельмень? – небрежно спросил водитель. – Т-ты, падла, – заикаясь от волнения, сказал мужчина, сидевший на заднем сиденье. – Я сколько раз говорил, чтобы ты не называл меня П-пельменем?!

Его смугловатое, восточного типа лицо слегка побледнело. Сжав кулаки, он с ненавистью посмотрел на кучерявый затылок водителя, перетянутый засаленным краем кепки.

– Ладно-ладно, Магомет, не волнуйся! – усмехаясь, сказал водитель. – Беру свои слова обратно. Забыл, какой ты у нас обидчивый... Чего обижаться? Я же любя!

– Она еще в отключке, – негромко сказала девушка. У нее был неприятный, лишенный интонаций голос. – Но скоро очухается, поэтому меньше трепите языками, фраера!

– У! Какая крутая! – помотал головой водитель. – Сразу видно, кто у шефа любимчик!

– Заткнись! – бесстрастно сказала девушка.

Вскоре Казарина застонала и попыталась шевельнуться. Угрюмый Магомет придержал ее за плечо и сказал с угрозой:

– Сиди спокойно!

– Всю машину провоняли! – осуждающе пробурчал водитель и немного опустил стекло.

Свежий утренний воздух ворвался в салон, напомнив о весне, о цветущих деревьях и еще о чем-то забытом.

«Волга» без помех проскочила Волоколамское шоссе до Кольцевой дороги и по развязке свернула на Путилковское шоссе. Еще через десять минут она затормозила возле двухэтажного скромного особняка, стоявшего на краю лесного массива. К кирпичному забору, окружавшему особняк, почти вплотную подступали молодые сосны. Дом и шоссе соединяла асфальтированная полоса.

Водитель вылез из кабины и вразвалочку отправился открывать ворота. Казарина, очнувшись, с замирающим сердцем прислушивалась к окружающим ее звукам, пытаясь угадать, где находится, но ничего не могла сообразить. Сидящие рядом с ней люди молчали. Она только чувствовала исходящий от них запах пота, от которого мутило.

Потом послышался звук открываемых ворот, и вернулся водитель. Он молча загнал машину во двор. Снова заскрипели ворота, а мужчина, сидящий справа от Казариной, открыл дверь и вышел.

Девушка пихнула Галину Николаевну в бок и приказала вылезать. Казарина с трудом выбралась из машины, и ее тотчас, подхватив под локоть, куда-то повели. Она услышала щелканье отпираемого замка, потом на нее пахнуло жильем, и мужской голос произнес:

– Шагай! Осторожно, сейчас будут ступеньки!

Ее свели куда-то вниз и отпустили. Грубые руки развязали повязку и вытащили изо рта кляп. Она тяжело, чуть не до рвоты, закашлялась. Придя в себя, увидела, что находится в подвале, обшитом стругаными досками. Здесь было сухо, но все-таки довольно прохладно. Одинокая лампочка под потолком освещала подвал тусклым желтым светом. В углу стоял старый кожаный диван. Напротив него – дверь.

– Сиди тихо, – сказал Магомет. – Все равно тебя здесь никто не услышит. Если нужно будет в сортир – вот эта дверь. А мы пока будем решать, что с тобой делать...

– Да развяжите же руки! – с надрывом крикнула Казарина.

Магомет с сомнением посмотрел на нее, но все-таки выполнил просьбу. Потом он повернулся и пошел наверх по деревянной лестнице. В этом доме все было сделано на совесть – под его ногами не скрипнула ни одна ступенька.

Магомет поднялся наверх, закрыл люк и запер его на засов. Потом он прошел в большую светлую комнату, где водитель разговаривал по телефону. Девушка, расположившись на свету, у самого окна, занималась ответственным и кропотливым делом. Она уже сбросила куртку и, оставшись в черной, с коротким рукавом кофточке, рассматривала вены на левой руке. Лоб ее был нахмурен, глаза сосредоточены, как у хирурга. На маленьком столике перед ней лежал раскрытый стерилизатор и шприц с уже набранной дозой. Найдя подходящую вену, она ловко перехлестнула тонкую белую руку жгутом и, закусив язык, вонзила под кожу сверкающую иглу.

Магомет увидел метнувшийся внутрь шприца багровый кровяной бурунчик и отвернулся – он боялся шприцов и уколов. Девушка скользнула по нему затуманившимся взглядом и снисходительно улыбнулась.

Водитель закончил разговор и, положив трубку, обернулся. Некоторое время он задумчиво разглядывал компанию, а потом с насмешкой произнес:

– Что, мать Мария, опять лечишься? – Он осуждающе покачал головой и добавил: – Доиграешься ты! Не слышала разве, что врачи по телевизору говорят, – кто ширяется, живет максимум до тридцати пяти!

Девушка махнула расслабленной рукой и вростяжку сказала:

– Да ну тебя, Кулак! Надоел. Ты что, вечно собираешься жить? Лучше скажи, чего Костик сказал!

Кулак сделал непонимающее лицо.

– Не знаю никакого Костика! Кому Костик, а кому – шеф. Шеф сказал, что не приедет. Велел самим отдуваться. Обещал круто разобраться, если не выколотим из этой бабы, что она знает.

– А что она знает? – хмуро сказал Магомет. – Это мужика трясти надо.

– До мужика нам пока не добраться, – заметил Кулак. – Он в больнице. Там охрана, как на спецобъекте. А баба, кстати, всегда что-то знает. Это тебе не Восток, где баба на кухне. У нас баба – центр вселенной, да, мать?

Мария фыркнула и зажгла длинную ментоловую сигарету.

– Я этого кадра всего ощупала, – сообщила она. – Пока его в «Скорую» не погрузили. Ничего у него не было – ну, типа бумаг или дискеты... Или по пути выронил, или вообще у него ничего не было!

– Глупость сказала, мать! – оборвал ее Кулак. – Он на встречу с фээсбэшниками шел – с информацией! Шеф тебе все ясно объяснил – надо было слушать, а не пялиться на него влюбленными глазами!

– Ой, Кулак, не задевай меня! – с угрозой выпалила Мария. – Если бы ты не в машине сидел, а вместе с нами пошел, мы бы этого Казарина не упустили, а Магомету стрелять бы в него не пришлось, и сейчас бы мы здесь не торчали... Еще неизвестно, с кем из нас круче разберутся!

– Да я не знаю, как это вдвоем одного лоха не вырубить! – немного сбавляя тон, сказал Кулак. – А за рулем, если хочешь знать, всегда человек должен быть.

– За рулем и я могла посидеть, – ядовито сказала Мария. – Боишься за свою шкуру! До ста лет собираешься жить.

Кулак негодуя сверкнул на нее глазами, но в этот момент подал голос Магомет:

– Он здоровый оказался, как лось. Вдвоем мы его с тобой, Кулак, может, и взяли бы, а с Марией – нет...

– Заладили! – психанул Кулак. – Что было, то прошло. Теперь бабу трясти надо. Не может быть, чтобы она ничего не знала. Наверняка муж ей в больнице что-то передал, а может, место назвал. Будем сейчас работать. Шеф велел сначала припугнуть хорошенько, без насилия... Ты, Магомет, сейчас паяльную лампу бери – для убедительности, и в подвал! А ты, Мария, на телефоне сиди! Если что – стукнешь нам.

Мария прикурила от окурка очередную сигарету и посмотрела на него с превосходством.

Кулак с Магометом спустились в подвал. Магомет, ни слова не говоря, разжег паяльную лампу, огонек которой, вырвавшийся с угрожающим гулом, заставил Казарину вздрогнуть. Она сидела на краю потертого дивана, сложив руки на коленях, и, подняв бледное измученное лицо, со страхом смотрела на пылающую лампу. Кулак с удовлетворением посмотрел на синяки, темнеющие под глазами женщины, на ее дрожащие губы. С этой возни не будет, уверенно подумал он.

– Простите, вас как по имени-отчеству? – развязно спросил он, останавливаясь в метре от сидящей женщины.

Она перевела на него испуганный взгляд и тихо ответила:

– Галина Николаевна... Чего вы от меня хотите?

– Галина Николаевна! – с воодушевлением сказал Кулак. – Вы же разумный человек! Вы же не хотите неприятностей, верно? Ответьте нам на один вопрос – и мы тут же оставим вас в покое. Ваш муж должен был передать вчера кому-то некие сведения. Я не знаю, что это было – блокнот, дискета... Мы не нашли у него ничего. Наверное, вы нам подскажите, где искать?

– Значит, это сделали вы... – мертвым голосом произнесла Казарина.

– Что вы имеете в виду? – осведомился Кулак.

– Вы убили моего мужа! – с отчаяньем сказала женщина.

Кулак быстро переглянулся с Магометом и грубо схватил Казарину за плечо.

– Он что – умер?! – недоверчиво выкрикнул он. – В самом деле? А у кого компра? Ответчай!

– Оставьте меня в покое! – истерически выкрикнула Казарина. – Я не знаю ни о какой компре!

Кулак хлестнул ее по лицу. Она оборвала крик и закрыла лицо руками.

– Не ори! – добродушно посоветовал Кулак. – Послушай меня внимательно! Сейчас мы будем поджаривать твою руку – палец за пальцем, – пока ты не скажешь...

Казарина медленно опустила руки и посмотрела на своего мучителя жалким просительным взглядом.

– Но я правда ничего об этом не знаю... – прошептала она.

Кулак хмуро разглядывал ее. Похоже, эта стерва не врет, подумал он с неудовольствием. Теперь шеф заставит шмонать больницу – а как туда попасть?

– Тебе что, муж ничего не передавал? Ничего не рассказывал? – неприязненно спросил он.

Казарина отрицательно покачала головой.

– Он умер, не приходя в сознание, – сказала она.

Кулак задумался. Наверху раздался стук. Казарина с надеждой вскинула голову, но тут же сникла, заметив злорадную улыбку Кулака. Он поднялся наверх и, откинув крышку люка, увидел довольную физиономию Марии.

– Тебя к телефону... Шеф! – ехидно сказала она.

– Иду! – буркнул Кулак. – А ты пока обыщи тетку. Может, у нее что-нибудь в трусах спрятано.

Он подошел к телефону, взял трубку.

– Что там у тебя? – нетерпеливо спросил шеф.

– Пока ничего, – осторожно сказал Кулак. – Работаем.

– Во-во, работай! А то знаешь – кто не работает... Ты вот что имей в виду – ребята там, на квартире этой, ночью пошарились – ничего особенного не нашли, но у этого кадра обнаружилась аппаратура для микродосъемки. Так что это может быть совсем маленькая штучка... Я имею в виду – та, что мы ищем. Понял меня?

– Понял, шеф! – ответил Кулак. – Кстати, жена сказала, что объект умер в больнице. Не приходя в сознание.

– Это все, что она сказала? Тогда это очень плохие новости для тебя.

– Шеф! – торопливо воскликнул Кулак, умоляющим жестом прихватывая трубку обеими руками.

– Все! Узнаешь что-нибудь – звони.

В трубке послышались короткие гудки. Кулак злобно выругался, пнул ногой столик, на котором стоял телефон, и, раздувая ноздри, обернулся на шум за спиной. На пороге, ухмыляясь, стояла Мария.

– Общупала всю! – сообщила она. – От пяток до макушки. Бабенка, конечно, подержанная, но еще в соку – как раз в твоём духе. Зря ты мне поручил это дело, Кулак!

Он посмотрел на девушку с ненавистью, но в перебранку вступать не стал. Громко стуча каблуками, он спустился в подвал и враждебно посмотрел на женщину. По ее бледному лицу разливались багровые пятна. Она стыдливо запахивала на полной груди халат, пряча глаза.

– Галина Николаевна! – играя желваками, сказал Кулак. – Вы должны что-то вспомнить, пока я не сделаю вам по-настоящему больно! Ну! Может быть, он что-то сказал в бреду? Может быть, вам что-нибудь сказал врач? Ну, вспоминайте!

Она обреченно качала головой и не произносила ни слова. Кулак не сдержался и отвесил женщине пощечину. Голова ее дернулась, из носа пошла кровь. Она схватилась за лицо и с ужасом посмотрела на окровавленную ладонь.

– Ты не выйдешь отсюда, пока не вспомнишь, сука! – прорычал Кулак и шагнул к Магомету.

Казарина всхлипнула.

– Я не знаю, – с усилием выговорила она. – Врач сказал... у мужа в горле... была какая-то таблетка... Больше я ничего не могу вспомнить.

Она со страхом посмотрела на Кулака.

Он замер, а потом подскочил к женщине и в возбуждении схватил ее за плечи.

– Что? Какая таблетка? Ты ее видела?

Казарина не отводила от него затравленного взгляда.

– Такая маленькая, черная... – сказала она. – Будто пластмассовая...

– Так... – сказал Кулак и, повернувшись на каблуке, бросился к лестнице.

Он поднялся наверх и, не обращая внимания на развалившуюся в кресле Марию, метнулся к телефону. Лихорадочно набрал номер и, едва дождав сигнала, торопливо выложил то, что узнал.

– Так-так, – неопределенно ответил шеф. – Таблетка, говоришь... И где же она? У врача? Ты уже едешь к нему? Ах, ты не знаешь его адреса! Тогда поторопись. Я тебя жду. Дам тебе адресок.

– Шеф, а что делать с этой? – деловито спросил Кулак. – С бабой что?

– Я должен посоветоваться. Пусть пока посидит. Оставь Марию присматривать, а сам с Магометом – ко мне. И не задерживайтесь!

– Понял, шеф! – Кулак осторожно положил трубку на рычаг и обвел взглядом комнату.

Мария, полузакрыв глаза, слегка раскачивалась в кресле, кажется, ничего не видя и не слыша вокруг.

– Эй ты, просыпайся! – заорал Кулак. – Оставляю тебя здесь за начальника! Мы с Магометом уезжаем.

Мария приоткрыла веки и тускло посмотрела на него.

– Проваливайте все! – безразлично сказала она.

Она слушала, как скрипят двери, шумит автомобильный мотор, затворяются ворота – все это звучало сейчас для нее почти как музыка. А потом музыка стихла, и наступила блаженная тишина.

Честно говоря, слова следователя не произвели на меня в первый момент особого впечатления.

– И вы полагаете, – довольно легкомысленно заметил я, – что я причастен к исчезновению гражданки Казариной?

Рыбин неодобрительно покосился на меня, а потом поискал глазами, где бы присесть. С этим вопросом у меня и правда была напряженка. Несколько дней назад я решительно и бесповоротно затеял генеральную уборку. И теперь квартира была похожа на какую-нибудь турецкую мелочную лавочку – по всем стульям разбросана одежда на все сезоны, стол захламлен книгами и пластинками, в самом центре громоздился спортивный инвентарь – гантели, боксерские перчатки, на телевизоре лежало ружье для подводной охоты. Добавьте к этому раскладной диван со смятой постелью, и безобразная картина холостяцкого бытия предстанет перед вами во всей полноте.

Я поспешно освободил для следователя стул и предложил садиться. Он присел у стола и с интересом поворошил в груде книг, сваленных как попало. Одну из них – «Биохимические сдвиги периферической крови при остром инфаркте миокарда» – он даже зачем-то полистал и со вздохом заметил:

– Да-а, сложная у вас работа... – А потом, кивнув на подводное оружие, поинтересовался: — Увлекаетесь?

Я почесал в затылке и признался:

– Было дело. В студенческие годы мотались с ребятами на море. Но теперь, увы...

– А я больше волейболом интересовался, – живо откликнулся Рыбин. – Первый разряд имел. Ну и, конечно, самбо...

– Может быть, кофейку? – предложил я.

Рыбин с сомнением покосился на кухонную дверь и, представив, какой бардак должен там твориться, вежливо отказался.

– Давайте сразу к делу, – предложил он. – К исчезновению Казариной вы, полагаю, вряд ли причастны, поскольку, как удалось выяснить, вы с утра находились в отделении и никуда не отлучались... Казарина покинула больницу около шести часов утра. Медсестра проводила ее до проходной и заказала такси. Охранники утверждают, что Казарина вскоре вышла на улицу и села в подошедшую «Волгу». Было ли это такси – мнения разделились. Один утверждает, что «Волга» была желтого цвета с шашечками, другой настаивает на сером цвете без шашечек. Обычное дело. Суть не в этом. Домой Казарина так и не вернулась. Хотя кто-то там ночью побывал – в квартире все перевернуто... Но это вас, собственно, не должно интересовать. Мы допросили соседей по дому, осмотрели место происшествия – увы, зацепок почти никаких. Поэтому нам важно, что вы можете сообщить – любая мелочь. Что-нибудь необычное, что вы заметили, услышали...

Я медленно развязал галстук и стянул его с шеи. Негласные правила нашей больницы предписывают неукоснительное ношение галстука всеми сотрудниками мужского пола. В жаркое время года это становится настоящим испытанием на прочность и очень дисциплинирует. Но японские ученые всерьез утверждают, что ношение галстука ухудшает кровоснабжение головного мозга и мешает человеку соображать. Сейчас я очень это чувствовал – в голове моей царил полный сумбур.

До сих пор не могу понять, почему я решил умолчать о своей находке. Словно какой-то чертик внутри подзуживал меня: молчи, молчи... Хотя и понимал разумом, что возможны

неприятности. Я сбивчиво заговорил о касательном огнестрельном ранении, коме четвертой стадии... Рыбин перебил меня.

– С заключением судмедэксперта мы ознакомимся позже, – пояснил он. – Меня сейчас интересует не медицинская сторона вопроса, а, как бы это сказать, сопутствующий антураж... Что вы увидели на месте происшествия, может быть, какие-то слова раненого, произнесенные в бреду...

– В его состоянии люди не произносят слов, – ответил я. – А на месте происшествия... Ну, что? Было темновато. Соседи, жена... Вот! Когда мы погрузили больного, вместе с нами в машину проникла девушка, назвавшаяся родственницей. Но мне показалось, что она врёт, и я выгнал ее. Да, она еще суетилась около Казарина, когда он лежал там, во дворе.

– Не могли бы вы описать внешность этой девушки? – деловито спросил следователь.

– Ну-у, в какой-то степени... – неуверенно сказал я. – Понимаете, у нее была не та внешность, которая бросается в глаза. Невзрачное лицо, неухоженные волосы, куртка – вроде тех, что носили стройотрядовцы, старые джинсы... Она похожа, знаете, на студентку, у которой куча «хвостов» и несчастная любовь в придачу.

– А вы поэт, – чуть-чуть улыбнувшись тонкими губами, заметил Рыбин. – Если бы вы ее увидели, смогли бы узнать?

Я задумался.

– Пожалуй, хотя... Если, допустим, она поменяет одежду... Трудно сказать.

– Ну хорошо, – кивнул Рыбин. – Как я понимаю, больше вы ее не видели? Тогда расскажите, о чем вы беседовали с Казариной.

И опять злобредный чертенок предостерегающе цыкнул на меня изнутри. Я нахмурился и собрался с мыслями.

– Она говорила, что мужа будто бы подсадили по службе. Он очень нервничал последние месяцы и трижды в неделю посещал тренажерный зал. Как будто боролся за место под солнцем изо всех сил. Казарина, как мне показалось, не очень высокого мнения о коллегах мужа. Она предполагает, что это они его и подстрелили.

– Вот как? – удивился Рыбин и попросил: – Владимир Сергеевич, нельзя ли обеспечить какую-нибудь полезную площадь? Мне надо накосячить протокол...

– Ради бога, – спохватившись, сказал я и сбросил часть книг со стола на диван, освобождая место, где можно было бы положить лист бумаги.

Следователь со странным одобрением следил за моими решительными действиями.

– Вы – холостяк, Владимир Сергеевич? – спросил он и, услышав утвердительный ответ, с завистью добавил: – Наверно, чертовски удобно быть холостяком, верно? Не нужно никому объяснять, почему ты снял в комнате носки и когда собираешься вынести мусор... – Видимо, самому ему это приходилось делать довольно часто. – Итак, больше вы ничего не вспомнили? Тогда я пишу – мною, следователем Мосгорпрокуратуры... Ну, и далее по тексту – вы потом прочитаете и, если не возникнет никаких возражений – подпишете «с моих слов записано верно»...

Он принялся писать привычным размашистым и неудобочитаемым почерком, бросив через плечо:

– Сдается мне, бытовухой здесь не обойдется. Погибший числился вторым замом генерального директора фирмы «ИнтерМЭТ», сотрудничавшей с оборонными НИИ, а это уже прерогатива ФСБ... Я это к тому, что лично вас я скорее всего больше беспокоить не буду. Если только сердечко прихватит, – пошутил он. – Вызову вас тогда на «Скорой»...

– Вряд ли вы это сделаете, – вежливо заметил я. – Дело в том, что вызов нашей «Скорой» стоит приличных денег. И телефон у нас не 03. Наш телефон широко известен, но, знаете, в довольно узких кругах...

– Вот оно что! – поднял брови Рыбин. – Ну что ж, будем тогда жить как в песне – «если смерти, то мгновенной...». Прошу ознакомиться и подписать!

Я наскоро пробежал составленный Рыбиным протокол и безо всяких возражений поставил свою закорючку. Мне хотелось поскорее остаться одному. Следователь с удовлетворением поднес бумагу к глазам и, убедившись в полной ее законченности, спрятал в тонкую кожаную папку. Затем он поднялся, еще раз окинул завистливым взглядом беспорядок, царивший в квартире, и подал мне руку. Я пожал ее. Несмотря на то что вид у моего гостя был не слишком внушительен, рукопожатие его оказалось крепким – занятия волейболом не прошли даром.

Перед тем как уйти, Рыбин с любопытством бросил взгляд на окно, за которым виднелся шпиль сталинской высотки, и спросил:

– Давно обосновались на Смоленской?

– Два года, – ответил я. – Обмен с доплатой. Друзья помогли.

– М-да, а я, знаете, в Орехове-Борисове осел, – признался он. – У вас райончик поинтереснее, верно? Седьмой этаж, конечно, но...

Я пожал плечами. Кажется, район проживания был для следователя большим местом. Наверное, среди всего прочего ему приходится объясняться с женой и по этому поводу. Он еще раз пожал мне руку, и мы расстались.

Оставшись один, я решил поскорее разобраться с процессом приготовления пищи. В холодильнике еще имелось некоторое количество продуктов, способных в любую минуту выручить одинокого голодного мужчину в расцвете лет, – яйца, колбаса, банка шпрот и упаковка земляничного экологически чистого йогурта.

Я поставил на плиту тяжелую сковородку и, сбрасывая на ходу пиджак, вернулся в комнату. Брюки, рубашка отправились вслед за пиджаком, и, оставшись в одних трусах, я прошлепал в ванную.

Прежде чем включить душ, я критически осмотрел свое отражение в зеркале. Сегодня, несмотря на бессонную ночь, отражение выглядело не так уж плохо. Темноватые круги под глазами были почти незаметны, а сами глаза смотрели строго и ясно, как у постового с плаката ГАИ. Кожа на лице уже покрылась легким майским загаром. Щеки требовали вмешательства бритвы, и, хотя теперь в моде мужественные, плохо выбритые подбородки, мне придется скоблить свою физиономию, потому что наше руководство чрезвычайно ортодоксально в вопросах моды.

Все остальное тоже меня вполне удовлетворило – широкие плечи, пластичные выпуклости мышц, крепкий торс – все это, наработанное годами упорных тренировок, оставалось при мне. Подводил только живот. Почти незаметный, но недвусмысленный жирок появился на талии, и это был сигнал. Последнее время я был не слишком усерден в поддержании формы, и это немедленно сказалось. После тридцати природа не прощает лени. Впрочем, и до тридцати тоже.

Пока я любовался на себя и полоскался под душем, сковородка раскалилась чуть ли не докрасна и приняла на себя содержимое холодильника с отчаянным воплем и шипом. Яичница была готова в одну минуту. Я управился с ней за пять минут. Та же участь постигла шпроты и экологически чистый йогурт. Холодильник был пуст, и вставал вопрос о новом его пополнении, чтобы однажды, вернувшись с дежурства, не оказаться у разбитого корыта.

Пока я не расслабился, нужно было заняться этим немедленно. Кстати, мне хотелось на свежем воздухе обстоятельно обдумать сложившуюся вокруг меня ситуацию.

Быстро облачившись в застиранные джинсы и белую майку, натянув на ноги разношенные кроссовки, я взял пакет, деньги и вышел из квартиры. Разумеется, не успел я дойти до лифта, как осторожно приоткрылась дверь соседней квартиры, и показалось сморщенное личико соседки Ксении Георгиевны.

Ксения Георгиевна, благообразная старушка лет семидесяти, обладает изумительным нюхом на мои выходы в магазин. Не было еще ни одного случая, чтобы мне удалось проскользнуть мимо ее двери незамеченным. Она непременно – случайно – выглядывает в коридор и, смущаясь, делает мне заказ. «Ой, как удачно! – говорит она. – Вы, Володечка, в магазин? А не могу я попросить вас...» Справедливости ради нужно отметить, что заказ ее обычно невелик, – как правило, он ограничивается одним продуктом.

– Ой, как удачно! – сказала она и теперь. – Вы в магазин, Володечка? А не могли бы вы купить мне заодно пакетик кефира? Только я вас умоляю – ничего заграничного! Попробуйте взять отечественный, ладно?

Пришлось заверить, что на заграничный товар я даже смотреть не буду. От предложения денег я покуда отказался, сказав, что расчет будет произведен по доставке товара. Сам процесс покупки меня, разумеется, не тяготил. Хуже было то, что в знак благодарности меня ожидал довольно подробный рассказ о жите-бытье, болезнях и растениях.

Ксения Георгиевна живет одна и имеет две темы для бесед – домашние растения и болезни. Пациент она назойливый, но благодарный. О своих хворобах, весьма, кстати, умеренных для ее возраста, она может говорить часами, но зато и рекомендации – любые – принимает с восторгом и благоговением. Любой врач для нее – кладезь земной мудрости и объект поклонения. Если бы была такая возможность, Ксения Георгиевна, наверное, оклеивала бы стены портретами врачей, как некоторые оклеивают их плакатами поп- и кинозвезд. Вторая ее страсть – домашние растения. Ее маленькая квартира – ботанический сад в миниатюре. Все силы и большую часть своих скромных доходов она отдает этим бессловесным представителям живого мира. Я этой страсти не понимаю, но одобряю – растения, по крайней мере, не лают и не гадят на лестнице.

Однако Ксения Георгиевна не просто разводит домашнюю флору – она окружает это дело мистическим ореолом. Подхватив из газет идею о магической силе пирамид, она непременно образом снабжает каждое растение пирамидой, склеенной из картона, бумаги и более экзотических материалов, утверждая, что от этого ее питомцы растут как на дрожжах. Дело тут в том, говорит она, что пирамидки накапливают энергию, идущую из космоса. Устройств этих в квартире Ксении Георгиевны так много, что я всерьез опасаясь, что она вскоре вычерпает из космоса всю его энергию.

Впрочем, беседа об этих материях ждала меня впереди, а пока я с легким сердцем направился к лифту, небрежно помахивая пакетом. Глазок лифта светился. С легким дребезжанием кабина поднималась вверх, и я машинально гадал, на каком этаже она остановится. Но гудение мотора продолжалось до тех пор, пока лифт не добрался до седьмого этажа. Я отступил на шаг, чтобы не мешать выходящим. Дверцы лифта дрогнули и разъехались. На площадку шагнул мужчина довольно внушительного роста и телосложения. Я не считаю себя маленьким со своими ста восьмьюдесятью роста и восьмьюдесятью одним веса, но этот тип возвышался надо мной еще сантиметров на пять-шесть и весил килограммов на десять больше. Причем это были не дикие килограммы, приобретенные у пивного ларька, а вполне тренированные, активные и начиненные энергией. С таким партнером приятно встретиться на ринге, где в критический момент можно выбросить белое полотенце, но нарваться на такого, скажем, в ночном переулке было бы слабым удовольствием.

Впрочем, облик этого человека вызывал сомнения в том, что он шастает по каким-то переулкам. На нем был дорогой двубортный костюм песочного цвета, застегнутый на все пуговицы, ворот безукоризненно белой сорочки перехватывал галстук темно-бордового оттенка, на сверкающих коричневых штиблетах не было ни единого пятнышка.

У него было узковатое внимательное лицо, властно сжатый рот и серые глаза, смотревшие жестко, но без выраженной агрессии. Он был похож на хорошо вышколенного, переодетого в гражданскую одежду солдата.

Он оценивающе посмотрел на меня и, что-то сообразив в уме, предупредительно, но настойчиво осведомился:

– Простите, вы не Ладыгин Владимир Сергеевич?

Похоже, у меня сегодня приемный день. Какой-то неприятный сосущий холодок появился у меня где-то под ложечкой, но сразу пропал.

– Вы угадали, – ответил я. – А с кем имею честь?

– Моя фамилия Тупиков, – сказал переодетый солдат. – У меня к вам убедительная просьба – пройти со мной до автомобиля. С вами хочет поговорить один человек. Думаю, вас это не очень затруднит – вы, я вижу, все равно собирались уходить, а разговор весьма важный.

– Мне, конечно, не трудно, – несколько растерянно заметил я. – Но весь вопрос в том, что это за человек и что это за автомобиль. Надеюсь, не «черный ворон»?

Молодой человек деликатно улыбнулся – при этом глаза его сделались еще холоднее – и сказал:

– Разумеется, нет. С чего вы взяли?

Мы вошли в лифт, и, пока спускались, Тупиков неотрывно и безо всякого напряжения наблюдал некую точку на стене кабины – на лице его не дрогнул ни один мускул. Завидной выдержки был человек.

На улице нас ожидал «СААБ» цвета морской волны. Тупиков распахнул передо мной заднюю дверцу и жестом предложил садиться. Человек, сидевший на заднем сиденье, приветственно мне улыбнулся, и я, пожав плечами, сел в машину.

Человек протянул мне руку и представился Артемом Николаевичем.

– Ты, Володя, пока погуляй, – мягко сказал он Тупикову и зачем-то объяснил мне: – Он ваш тезка...

Чем-то Артем Николаевич неуловимо походил на моего тезку – такое же суховатое лицо с твердо очерченными линиями, короткая стрижка и строгие серые глаза. Но, видимо, солдатское звание он уже давно перерос и мог позволить себе некоторую вольность как в одежде, так и в манере держать себя.

– Простите, Владимир Сергеевич, что отрываю вас от дел, – сказал он живо. – Но это не мой каприз. Того требует – может быть, вы удивитесь – государственный интерес. Дело в том – не буду от вас скрывать, – что я работаю в службе безопасности президента.

Видимо, у меня в этот момент был чересчур глупый вид, потому что Артем Николаевич невольно улыбнулся. Но тут же стер улыбку с лица и объяснил:

– Все очень просто. Вчера вечером один мой старый друг назначил мне встречу. Он должен был передать мне некие материалы, имеющие большое значение... А может быть, и не имеющие. Сейчас трудно об этом судить, потому что материалы пропали. Мой друг имел неосторожность договариваться о встрече по сотовому телефону... Фамилия его – Казарин. Мы уже беседовали с вашими коллегами по работе, созванивались с прокуратурой. Размотали, так сказать, цепочку... И, знаете, Владимир Сергеевич, какое впечатление сложилось лично у меня?

– Какое? – послушно спросил я.

– У меня сложилось впечатление, – значительно сказал Артем Николаевич, – что материалы, нас интересующие, могли попасть вам в руки, Владимир Сергеевич!

Его холодные глаза требовательно уставились на меня. Я начал кое-что понимать. Вместе с пониманием пришел страх. Страх настоящий, берущий за глотку. Но боялся я не за себя, а за Марину, которую втянул в какую-то непонятную, но, похоже, серьезную историю. Теперь логика событий требовала, чтобы я продолжал строить из себя дурака, пока не выведу из-под удара Марину.

– Не понимаю вас, – настороженно сказал я. – Какие материалы?

Артем Николаевич скептически пожевал губами.

– Владимир Сергеевич, вы не являетесь владельцем акций «ИнтерМЭТ»? Нет? Впрочем, я так и думал... Не понимаю, что вас тогда удерживает. Скажите, вы извлекали из гортани Казарина инородное тело?

По лицу его скользнула усмешка, и чертик внутри меня заметался, как ошпаренный. Я постарался ответить как можно спокойнее:

– Да. У него была дыхательная асфиксия.

– И куда вы дели это инородное тело? – быстро спросил Артем Николаевич.

– Ну-у... Не помню. Выбросил, должно быть, – небрежно ответил я.

Артем Николаевич насмешливо посмотрел на меня.

– Вы ничего не путаете, Владимир Сергеевич? – поинтересовался он. – Мне казалось, что врачи более аккуратны в таких вопросах. Я слышан, что в больницах даже существуют эдакие музеи инородных тел – пуговицы, иголки, монеты... Разве нет?

– Бывает, – нехотя сказал я. – Но у меня нет страсти к коллекционированию.

– И все-таки, – настойчиво повторил Артем Николаевич. – Припомните, что вы сделали с этим предметом. Кстати, как он выглядел?

Скучным голосом я описал, как он выглядел, стараясь изо всех сил продемонстрировать свое полное равнодушие к предмету. Артем Николаевич покивал головой и доверительно положил руку на мое колено.

– Владимир Сергеевич, – проникновенно сказал он. – Я очень вас прошу вспомнить, куда вы дели этот предмет. И постараться найти его. Почему-то я уверен, что это вам удастся. У меня и в мыслях нет угрожать вам, но, подчеркиваю, дело очень серьезное, не терпящее легкомыслия... Как только получите положительный результат – свяжитесь со мной вот по этому телефону. – Он протянул мне маленький картонный квадратик. – Если же дело по какой-то причине затянется, то... мне придется самому вас разыскивать, а это, сами понимаете, ни в моих, ни в ваших интересах.

Я кивнул. Сказать мне было нечего.

– Вот и отлично, – похвалил Артем Николаевич. – Наш разговор, разумеется, остается между нами, вы меня понимаете? – Лицо его приобрело доброжелательное, почти приятельское выражение. Он кивнул на пакет в моих руках и спросил: – Вижу, вы собрались за покупками. Может быть, вас подвезти?

– Нет, спасибо, – вежливо пробормотал я. – Мне недалеко. До свидания.

– Всего хорошего, Владимир Сергеевич! – произнес Артем Николаевич.

Я открыл дверцу машины и выбрался наружу. Запах улицы показался мне в этот момент сладким, как нектар. Тупиков коротко кивнул мне и быстро нырнул на переднее сиденье – он, оказывается, был здесь стрелок-водитель.

«СААБ» мягко заурчал и, обдав меня ядовитым выхлопом, все быстрее и быстрее покатился по Смоленской, свернул на бульвар и исчез.

Я вытер вспотевший лоб и пошел к ближайшему телефону. Нужно было предупредить обо всем Марину.

Серая «Волга» с тонированными стеклами подъехала к двенадцатиэтажному офисному центру, расположенному на проспекте Мира. Заняв место на охраняемой автостоянке, она остановилась, и из нее вышел высокий, коротко стриженный человек в темном костюме. Особая осанка и привычная суровость в выражении лица выдавали в нем бывшего военного, а уверенность и точность в движениях указывали на то, что служба его проходила отнюдь не в интендантстве.

На вид мужчине было около сорока лет. Волосы очень темные, почти черные, а глаза – светлые. Это довольно редкое сочетание делало его особенно привлекательным. Густые черные

брови срослись на переносице, орлиный нос, совершенно его не портящий, смотрел на мир как-то вызывающе дерзко.

Сидевший за рулем Кулак перегнулся вслед ему с водительского места и, вопросительно запрокинув круглое лицо, на котором выступили бисеринки пота, с некоторой развязностью сказал:

– Может, это, шеф, я тут сметаюсь пока в одно место?..

Человек в темном костюме смерил его холодным взглядом светло-серых глаз и коротко бросил:

– Ждите здесь, уроды!

Он с треском захлопнул дверцу и направился к зданию. Перевалило уже далеко за полдень. В горячем воздухе висели запахи бензина и асфальта. Высокие окна офисного центра отсвечивали ослепительным бронзовым блеском.

Он вошел в здание и поднялся в лифте на восьмой этаж. Здесь почти все левое крыло занимали помещения фирмы «ИнтерМЭТ». В приемной, выдержанной в контрастной, деловито-броской манере – черная мебель, сверкающая белизной оргтехника, – молодая секретарша, одетая в тон интерьеру, обратила к нему предупредительное лицо.

– Я к Корнееву Сергею Ивановичу.

– У них сейчас совещание, – с искренним сожалением сказала секретарша, одарив посетителя взглядом больших сочувственных глаз.

– Он меня ждет.

– Я сейчас узнаю, – заколебалась секретарша. – А как о вас доложить?

– Темин Константин... Константин Леонидович, – поморщился посетитель, точно собственное имя не доставляло ему никакого удовольствия.

Секретарша выпорхнула из кресла и семенящей походкой скрылась за глухой черной дверью. Темин не стал присаживаться. Все так же по-военному выпрямившись, он стоял посреди приемной. Его взгляд безразлично скользнул по белым стенам, по сверкающему прямоугольнику окна, по обложкам глянцевых проспектов на столе и снова застыл, обратившись к двери.

Секретарша довольно долго не появлялась. Наконец она возникла на пороге – немного растерянная, но по-прежнему любезная, и торопливо сказала:

– Прошу вас, заходите!

Темин одернул пиджак и, слегка наклонив голову, вошел в кабинет. На его короткое «здравствуйте» никто, кажется, не ответил. Четыре пары глаз сверлили Темина испытующе и с явным нетерпением.

Из четырех совладельцев фирмы троих Темин знал лишь понаслышке и так близко видел впервые. Они сидели вокруг стола – генеральный директор Лоскутов, средних лет блондин, с чуть выкаченными, как бы вечно удивленными глазами, лощеный Сиволапов, на длинном носу которого поблескивали очки в тонкой золотой оправе, и одышливый, раздраженный Тягунов, страдающий от жары даже здесь, где исправно работал кондиционер. На столе стояли бутылочки с водой «Перье» и высокие стаканы.

– Так что вам угодно? – раздраженно бросил Лоскутов, нервно сплетая пальцы.

Темин, не ответив, перевел взгляд на четвертого члена правления, который, небрежно развалясь в кресле, сидел чуть поодаль. Это и был Корнеев – человек, плативший Темину деньги, знавший его еще с тех времен, когда он назывался просто Корнеем и был сильно не в ладах с Уголовным кодексом. Теперь он ходил в галстук и костюме от Пьера Кардена, который, впрочем, на его плотной, чуть расплывшейся фигуре смотрелся как на корове седло, и носил в кармане удостоверение помощника депутата Государственной думы.

Корнеев поднял крепкую, лобастую голову, которая, казалось, росла у него прямо из плеч, и сверкнул маленькими цепкими глазками.

– Чего ему угодно? Ничего ему не угодно... Это мой человек, я же сказал! – хриловатым голосом пробурчал он. И тут же требовательно гаркнул на Темина: – Узнал чего? Выкладывай!

Тот бесстрастным, но обстоятельным тоном обрисовал ситуацию, не преминув уточнить: – С бабой что будем делать, Сергей Иванович?

Он адресовался в основном к своему хозяину, но его доклад привел остальных в состояние шока. Лоскутов дернулся, точно получил удар током, и бессильно закрыл лицо ладонью. Тягунов, побагровев, торопливо налил себе воды и с жадностью выпил. Сиволапов саркастически покосился сквозь очки на Корнеева – нет, что ни говори, а плебейская сущность лезет наружу, как ни прячь ее за пиджаком от Кардена.

– Сергей Иванович, я вам удивляюсь, – иронически произнес он, снимая очки и сосредоточенно протирая стекла надушенным платочком. – Как вы додумались пригласить сюда этого вашего... гм... подручного... И заставляете нас выслушивать совершенно невообразимые вещи!..

Лоскутов открыл лицо и горячо возразил:

– Выслушивать? Нет, увольте! Я ничего не желаю слышать!.. Мы говорим здесь о делах фирмы, а свои дела Сергей Иванович пусть улаживает в другом месте!

– Ни хрена себе! – изумленно прохрипел Корнеев, обводя всех презрительным взглядом. – Какие мои дела? Кто допустил утечку информации, я, что ли? Где ваша служба безопасности была, когда Казарин шарился по документам? Спасибо, в последний момент перехватили его звонок! И что вы тогда говорили – «Сергей Иванович, любой ценой остановить!».. А теперь вон как запели!

Лоскутов переглянулся с Сиволаповым и назидательно произнес:

– Не знаю, как вы нас поняли, Сергей Иванович, но речь шла именно о том, чтобы остановить утечку информации – не более того. Существует масса методов... А теперь что получается? Я вынужден давать объяснения следователю...

– Господа! – взмолился окончательно взмокший от жары и переживаний Тягунов. – Давайте же решим вопрос с посетителем! Здесь же посторонние!

Лоскутов, спохватившись, уставился на Темина, который неподвижно, точно манекен, стоял напротив стола.

– Вы свободны! – подчеркнуто строгим тоном объявил он. – Идите.

Темин вопросительно посмотрел на хозяина. Корнеев презрительно махнул рукой и прохрипел:

– Ладно, Костя, выйди!.. В предбаннике подожди... Я скоро освобожусь.

Темин почти по-военному повернулся кругом и вышел из кабинета. Едва дверь закрылась за ним, Тягунов выплеснул долго сдерживаемое раздражение в крике:

– Черт знает что! Убийство, похищение! Сергей Иванович, нельзя же так топорно работать! А главное, результатов ноль!

Его вспотевшее красное лицо пылало возмущением.

– У вас до хрена результатов! – зло прохрипел Корнеев. – Никто не знает до сих пор, чего этот Казарин надывал и кому нес!.. А завтра нас всех повяжут и представят к «вышке».

– Сергей Иванович, у нас в стране мораторий на смертную казнь! – с легкой иронией напомнил Сиволапов.

– У нас в стране, – уничтожающе отозвался Корнеев, – сегодня мораторий, а завтра крематорий!.. Не «Сникерсами» торгуем!

– Все правильно! – горячо подхватил Лоскутов. – Но действовать нужно тонко! Не как слон в этой самой лавке, где торгуют «Сникерсами»! Нужно было выяснить, чем на самом деле располагает Казарин... Я лично вообще не уверен, что его информация имеет какую-то ценность.

– А вот это зря, Николай Кимович! – рассудительно произнес Сиволапов, водружая на нос очки. – Через Казарина много чего проходило... Между прочим, я сразу настаивал на его увольнении... Ко мне не прислушались – теперь расхлебываем!

– Но каков фрукт! – раздраженно вмешался Тягунов. – До последнего момента притворился лояльным... На шашлыки приглашал!

Корнеев заворочался в кресле, сопя, достал из кармана сигарету и закурил, пуская во все стороны огромные клубы дыма.

– Кому он звонил, выяснили? – глядя исподлобья, спросил он.

– Выясняем, – коротко сказал Сиволапов.

– Понятно. Кому звонил – неизвестно, что украл – непонятно, – саркастически прохрипел Корнеев. – Гнать нужно всю вашу службу безопасности! Моим пацанам спасибо скажите, что остановили его...

Лоскутов нервно поправил узел галстука, уставил на Корнеева немигающие выпуклые глаза.

– Сергей Иванович, – строго проговорил он. – Вы своих пацанов придержите!.. А лучше бы вообще... куда-нибудь с глаз подальше! Вы – помощник депутата! Займитесь по этой линии... Прозондируйте почву в Лиге содействия оборонным предприятиям... Мы с Алексеем Алексеевичем завтра встречаемся с человеком из Совета безопасности... Надо работать цивилизованно.

– Ага! – с остервенением затягиваясь сигаретой, прорычал Корнеев. – Пока мы будем по советам ездить, фишка казаринская до ФСБ докатится. Посмотрим, что вы тогда запоеете! Тогда поздновато будет... Пасту в тубик не пробовали назад заталкивать? – язвительно закончил он.

Сиволапов задумчиво потер длинный нос и примирительно произнес:

– Одно другого не исключает, Сергей Иванович. Просто нужно соизмерять свои методы с реалиями сегодняшнего дня. Из доклада вашего... гм... человека я понял, что, как вы выражаетесь, «фишка» до сих пор не всплыла и, возможно, находится у кого-то из сотрудников седьмой спецбольницы... Полагаю, раз уж вы взяли след, отступить не годится... Прощупайте этого сотрудника – со всей деликатностью, конечно... Вряд ли здесь возникнут какие-то проблемы – зачем врачу чужие секреты...

Лоскутов перебил его:

– И немедленно выпустить Казарину! Еще не хватало...

Сиволапов грустно покачал головой.

– Не преждевременно ли, Николай Кимович? Могут быть непредсказуемые последствия...

– Если не выпустить, последствия могут быть еще хуже! – сердито сказал Лоскутов.

Тягунов, точно школьник, поднял руку.

– Предлагаю компромиссный вариант. Казарина наверняка испытала сильнейшее потрясение. Смерть мужа и... и... изоляция, скажем так. Двойной шок! Она наверняка нуждается сейчас в медицинской помощи. Если мы устроим ее на лечение в хорошую нервную клинику...

– В психушку, если уж называть вещи своими именами, – уточнил Сиволапов, одобрительно кивая. – Только Казарина в розыске, Семен Егорыч...

– Не в розыске, – поправил Тягунов. – А разыскивается как свидетель по делу. Ничего страшного, если она отыщется, скажем, в больничной палате... Потеря памяти, то-се... Это называется, кажется, реактивный психоз. У меня есть знакомый психиатр...

Лоскутов нахмурил лоб, изображая напряженную работу мысли.

– Ну что ж, остановимся, пожалуй, на таком варианте, – сказал он наконец. – Тягунов с Корнеевым между собой договорятся, как все осуществить конкретно, да, Сергей Иванович?..

Голос его прозвучал деловито и ободряюще, но Корнеев не разделил его энтузиазма. Недовольно пыхтя, он выбрался из кресла и, набычась, посмотрел на Лоскутова.

– Я суетиться не буду! – категорически заявил он. – Сначала разберусь, чего там Казарин нарыл. А там посмотрю... Только не ждите, что вы в стороне будете, если что, – добавил он и многозначительно постучал толстым пальцем по нагрудному карману пиджака. – Я весь наш базар тут на пленку записал – для порядка...

Он повернулся и пошел к двери уверенной развалистой походкой тяжеловеса. Оставшиеся смотрели в его широкую спину с неудовольствием и досадой.

– Каков, а? – только и смог вымолвить Лоскутов, когда за партнером закрылась дверь.

– Николай Кимович! – укоризненно воскликнул Сиволапов. – Но вы же знаете, с кем имеете дело! Черного кобеля, как говорится... Если привлекли этого человека к сотрудничеству, так что же теперь...

– Давайте не будем ворошить прошлое, – брезгливо поморщился Лоскутов. – Привлекли его капиталы, скажите...

– Я и говорю, – согласился Сиволапов. – Разум возобладал над эмоциями. Будем же и далее придерживаться этой линии. Дело прежде всего!

– Кстати, о деле, – ввернул Тягунов. – Как же теперь контракт по оптике?

– Господи, Семен Егорыч, какой контракт? – взмолился Лоскутов. – Разве вы не видите, что творится?

– Но мы понесем большие убытки, – озабоченно напомнил Тягунов.

– В самом деле, – сказал Сиволапов. – Не стоит пороть горячку. С заказчиками нужно встретиться, попытаться оговорить новые сроки... Я надеюсь, все утрясется. Корнеев, надо отдать ему должное, в таких делах ас. Если уж вцепится – то как бультерьер, не оторвешь!.. Ничего страшного пока не случилось.

Лоскутов неодобрительно посмотрел на него – его глаза сейчас казались удивленными, как никогда.

– Бог с вами, Алексей Алексеевич! – с упреком сказал он. – Убит ваш сотрудник, его жена пропала, следователь навевается каждый день – и вы считаете, ничего страшного?

Сиволапов с большим достоинством выпрямился, очки его торжественно блеснули.

– Давайте откровенно! – сказал он уверенно. – Я причастен к гибели Казарина? Нет. А вы? Тягунов?.. Вот о чем я и говорю. Положение сложное, но не безнадежное. Корнеев, конечно, сволочь, но в его интересах это дело разрулить. И он его разрулит, вот увидите!

Тем временем Корнеев, покинув кабинет, сутулой медвежьей походкой прошел через приемную, кивнув на ходу Темину, который немедленно вскочил и поспешил за хозяином. Не обменявшись ни словом, они спустились в лифте и зашли в бар ресторана, где Корнеев попросил порцию текилы с лимоном. Бармен, сделав жизнерадостную физиономию, с ловкостью фокусника наполнил стопку мексиканской водкой и сопроводил ее долькой истекающего соком лимона.

– Ты пьешь текилу? – с интересом спросил Корнеев, взглядывая на Темина из-под нахмуренных бровей.

Темин смущенно пожал широкими плечами и осторожно сказал:

– Да не, я уж лучше водочку... Привычнее как-то...

Корнеев опрокинул в рот огненную жидкость и задумчиво перемолол тяжелыми челюстями сочную лимонную плоть.

– Водка, водка... – проворчал он, глядя на помощника прищуренным глазом. – Как в Средневековье живете. Приобщаться надо помаленьку... К цивилизации... Ты, например, в Мексике был?

Темин усмехнулся сожалеюще.

– Вот. А я был, – назидательно заметил Корнеев и толкнул стопку к бармену. – Повтори, брат! Был я в Мексике, Костя! Красота, скажу тебе... Вот уйду на покой, куплю себе там недви-

жимость и буду жить как в раю! Как ты думаешь? – Ничего хитрого, Сергей Иванович! – твердо ответил Темин. – Все в ваших силах.

Корнеев скептически покосился на него, быстро выпил вторую стопку и, шумно выдохнув воздух, сказал:

– Хрен там! С такими козлами скорей на нарах отдыхать будешь... Зачем Казарина заваляли?

– Так сказали – задержать во что бы то ни стало, – угрюмо ответил Темин. – А он почти ушел. Здоровый оказался, гад!

– Кто у тебя там работал? – деловито поинтересовался Корнеев.

– Кулак с Магометом, – неохотно ответил Темин. – Ну... и Мария еще.

Корнеев быстро взглянул на него.

– Зацепила тебя артистка-то? – неприязненно спросил он. – Никуда ты без нее. Нехорошо это.

– Баба больше доверия вызывает, – буркнул Темин, глядя в сторону. – Подозрений меньше.

– Уж такая вызовет! – зло усмехнулся Корнеев. – Ну, твое дело... Смотри только, чтобы врач здоровый не оказался. Я тебе сроку два дня даю. Мне нужно знать, что такое Казарин в своем клюве нес. Позарез нужно знать! Ты адрес того лекаря выяснил?

Темин кивнул и в свою очередь спросил:

– А с бабой-то что делать? Взаперти держать или...

Корнеев, насупившись, посмотрел на него.

– А ты рассуждай! – посоветовал он. – У нас, кроме врача и этой бабы, – никаких концов. Так что придержи пока ее про запас... Да и вообще, очень может статься, что она нам еще понадобится. И нам лишний грех на душу брать ни к чему. Но гляди! – Корнеев вдруг сделался страшным и злым. – Если она у тебя сбежит!..

И он поднес к носу Темина громадный желтоватый кулак.

– Ну что вы, Сергей Иваныч! – обиженно сказал Темин. – Ни в коем разе. И доктора обрабатываем, не беспокойтесь. Доктора – народ понимающий. У них, как у военных, субординация в крови.

Корнеев сумрачно выслушал его и поскреб подбородок.

– Ну, ладно, действуй! – распорядился он. – Меня держи постоянно в курсе!

Темин наклонил голову и повернулся, собираясь уходить.

– Ты, это... – вдруг подобрев, с покровительственной хрипотцой предложил Корнеев, – выпей все-таки текилы! Она мозги, брат, прочищает... Бармен, две текилы!

Темин не посмел отказаться и, взяв стопку в кулак, с сомнением посмотрел на нее.

– Выпей-выпей! – с ухмылкой сказал Корнеев. – Враз себя почувствуешь как между кактусов! – Он глухо захохотал. – Не был, говоришь, в Мексике?

– Я в Афганистане был! – без выражения сказал Темин.

– Это, брат, не то! – прищелкнул языком Корнеев. – Это, брат, совсем не то!

Он опрокинул стопку и крякнул. Темин последовал его примеру, но по его бесстрастному скуластому лицу невозможно было понять, какое впечатление произвел экзотический напиток.

– Ладно, ступай! – сказал Корнеев, бросая на стойку новенькую купюру.

Темин еще раз кивнул и направился к выходу. По его уверенной походке невозможно было угадать, насколько он озадачен и раздосадован. Перспектива скрывать в своем загородном доме Казарину казалась слишком опасной. И, кроме того, он совсем не был уверен, что сведения, которые она сообщила Кулаку, имеют какое-то значение. Но проверить их было необходимо. Корней не простит небрежности.

– Куда едем, шеф? – развязно спросил Кулак, когда Темин сел на переднее сиденье «Волги». – Запарились мы тут! Кондиционерчик надо бы, а?

– Мало ты запарился! – с угрозой сказал Темин. – Ты у меня так запаришься, что кровь носом пойдет!

– Что, шеф, строили вас там? – с фальшивым сочувствием произнес Кулак. – Мы вроде стараемся...

– Заткнись! – бросил Темин. – Стараются они! Если через два дня результатов от ваших стараний не будет – можете заказывать себе место на кладбище!.. Вот тебе адрес врача. – Он извлек из бумажника листочек бумаги и бросил Кулаку на колени. – Все подготовьте и прижмите его дома. Может быть, он эту штуку в квартире прячет. Разговаривать будете жестко, но без мокрухи. Если вы и этого прищете, хозяин не поймет. А главное, чтобы был результат! Все понял?

– Да все понял, шеф! – протянул Кулак, под неуютным взглядом Темина делаясь серьезным и неразговорчивым.

– Меня сейчас туда – за город, – распорядился Темин, откидываясь на спинку сиденья. – А сами потом вернетесь – и занимайтесь адресом!

Кулак хмуро кивнул, завел мотор и аккуратно выехал со стоянки. «Волга» свернула на проспект Мира и влилась в поток машин, несущихся в сторону Садового кольца. На заднем сиденье завозился Магомет и с нетерпением произнес, обращаясь к Кулаку:

– Ты про Марию скажи! – От волнения он говорил с заметным акцентом. По-видимому, они что-то обсуждали, ожидая Темина, но теперь Кулак не хотел вспоминать об этом.

– Сам и скажи – огрызнулся он.

– В чем дело? Что с Марией? – отрывисто сказал Темин, оборачиваясь к смущенному Магомету.

– Да нет, ничего, – с деланой беззаботностью ответил тот. – Ширяется много... Нехорошо это девушке...

– Не твое собачье дело! – оборвал его Темин, но на душе у него сделалось темно и мерзко. – Мария тебя не касается!

– Дело-то, конечно, ваше, шеф! – как бы между прочим обронил Кулак. – Но только девочка все чудней становится. А такие ведь в ментовке в первую очередь раскалываются...

– На дорогу смотри! – буркнул Темин, отворачиваясь к окну.

Они задели его самое больное место. Он и сам начинал чувствовать, что девчонка ходит по лезвию ножа, подвергая смертельной опасности не только себя, но и Темина. Он понимал это, но так же ясно осознавал, что не в силах избавиться от этой невзрачной загадочной ведьмы, околдовавшей его, овладевшей его душой и телом. Он старался гнать от себя эти мысли, делая вид, что ничего не происходит, но иногда со всей отчетливостью Темин вдруг понимал, что именно эта девчонка приведет его к неминуемой гибели.

Здание нашей больницы было построено в начале прошлого века и оттого несло на себе отпечаток величественности и некоторой мрачности, которые, по мнению архитекторов, приличествовали храму медицины, возводимому в древней столице могущественной империи. Последующие переделки и корректировки интерьера несколько смягчили скорбно-торжественный дух постройки, но полностью изгнать его не смогли. Это особенно чувствовалось на лестницах – широких, сумрачных, с мраморными ступенями и резными перилами. Монументальная лепнина на потолках была выдержана в том же возвышенном и одновременно угнетающем духе, в котором странным образом сочетались напоминания о бренности земного и всепроникающей силе науки. Человек, поднимающийся по этим солидным ступеням, преисполнялся уверенности, что если уж он не умрет, то будет вылечен капитально и окончательно.

В палатах и кабинетах от старого режима сохранились, пожалуй, только безмерно высокие потолки. Евроремонт, светлые рамы, германская мебель немедленно переносили посетителя в век двадцатый и двадцать первый. Впрочем, расширение служб и появление новых

потребовали возведения дополнительного здания, где уже все – от крыши до подвала – выполнено с соблюдением современных норм. Пристройка находится позади основного здания и соединяется с ним крытым переходом.

Именно в новом здании находятся отделения, где работа наиболее напряженная, а техника самая современная, – отделение реанимации, экстренной хирургии и скорой помощи. Здесь и палаты для больных – это именно палаты, где вся обстановка подчинена их функциональному назначению. А в старом здании они похожи, скорее, на благоустроенные квартиры или номера в дорогой гостинице – ковры, мягкая мебель, отдельная ванная. Зачастую пациенты какого-нибудь терапевтического или неврологического отделения ложатся туда не столько для поправки здоровья, сколько из-за возможности отдохнуть от семейных и производственных дел.

Думаю, это им вполне удастся – предупредительный персонал, отличное питание и полнейший покой – все, что отличает это место от обычных больниц, приносит свои плоды. Стоит этот покой недешево и скорее всего не может быть полностью обеспечен платой, вносимой самими пациентами. Больница, несомненно, имеет и иной, весьма мощный источник финансирования, но кто является щедрым благодетелем, я могу только догадываться.

Нагрузка здесь на врача невелика – велика ответственность. Отсюда неизбежность консилиумов, собирающихся вокруг любого мало-мальски значительного пациента. Никто не хочет нести тяжкий груз ответственности в одиночку. Увы, специфика моего отделения не позволяет спрятаться за коллективную спину консилиума. Здесь все происходит так быстро, что ты почти всегда один на один с пациентом.

В моей палате сейчас трое больных. Они лежат в просторных боксах, подключенные к аппаратуре, и не видят страданий друг друга. Однако сами они постоянно на виду – постовая медсестра, стол которой напоминает диспетчерский пульт, наблюдает за показаниями приборов, и она всегда начеку.

Этой ночью в палату поступило новое лицо – жена предпринимателя, наглотававшаяся таблеток. Ее откачали, и жизнь ее сейчас в безопасности, но она еще слишком слаба и плохо ориентируется в пространстве. По ее застывшим, затуманенным глазам невозможно понять, благодарна она за то, что ее возвратили с того света, или нет.

Гораздо лучше чувствует себя пациент с желудочным кровотечением. Наверное, завтра его можно будет перевести в хирургию. Чуть получше дела и у отставного генерал-майора.

– Давление стабильное, диурез увеличивается, единичные экстрасистолы, – негромко докладывает медсестра, затянутая в хрусткий белый халат.

Экстрасистолы я и сам вижу на экране монитора. Генерал, осунувшийся и желтый, лежит на кровати, опутанный проводами и прозрачными трубками. В фильтре системы ритмично обрываются капли поляризующей смеси. В носу у старика закреплен катетер, по которому поступает кислород. В глазах смущение и тоска.

– Вот, доктор, за всю жизнь никого не боялся, – еле шепчет он серыми губами. – Ни черта, ни начальства... А сейчас испугался...

– Это не страх, Андрей Тимофеевич! – авторитетно говорю я. – Это беспокойство, вполне извинительное в вашем положении... Но мы его снимем – медикаментозно. Не волнуйтесь, через недельку-другую будете как огурчик!

Генерал силится раздвинуть непослушные губы в улыбке – мы отдаем дань оптимистической традиции, хотя у обоих на душе скребут кошки. Впрочем, если беспокойство или, откровенно говоря, страх, который терзает меня, играет роль приспособительного механизма, подстегивает мои защитные реакции, то старику он сейчас только помеха.

– Мария Николаевна, – говорю я сестре, – добавьте больному диазепам внутривенно – десять миллиграммов через четыре часа...

Она сосредоточенно кивает и напоминает, что меня в комнате для посетителей ожидает жена генерала. Беседа с родственниками – это не слишком приятная, но неизбежная обязанность. Я выхожу из палаты и направляюсь в комнату для посетителей.

Но голова моя занята совсем не предстоящей беседой. Я невольно перебираю в памяти итоги вчерашнего дня. Они были совсем неутешительны. До поздней ночи я пытался дозвониться до Марины, повторил эту попытку утром – все безрезультатно. К моему вполне оправданному беспокойству присоединилась еще и совершенно неоправданная ревность, будто в моей власти было регламентировать личную жизнь Марины. Однако я загнал эту ревность на задворки и сосредоточился на основной задаче – дождаться двух часов и немедленно разыскать Марину, чтобы избавить ее от этого во всех смыслах инородного тела. Хотя что я с ним буду делать дальше – неясно. Дело в том, что я умудрился потерять визитную карточку с телефоном Артема Николаевича. Со мной такое случается, особенно когда я волнуюсь.

В комнате для посетителей сияло солнце. Его золотые пятна лежали повсюду – на начищенном паркете, на кремовой обивке кресел, на сочной зелени домашних растений и на большой репродукции с японской гравюры, изображающей один из видов Фудзи под синим небом.

Распространению японской живописи в отделении способствует заведующий – Степан Степанович Ланской, который, по-моему, является в душе самураем, суровым и сентиментальным рыцарем, ищущим вдохновение в дотошных и причудливых пейзажах Страны восходящего солнца. Однако репродукции, развешанные в нашем отделении, грешат все-таки излишней яркостью красок и глянцевицей поверхностей, напоминая собой рекламу какого-нибудь мыла.

Под этим рекламным синим небом сидела сейчас жена генерала, нервно вертя в пальцах длинную сигарету. Курение у нас не поощряется, о чем, видимо, было сделано и дополнительное предупреждение, но генеральша едва сдерживалась, чтобы не щелкнуть зажигалкой, – я это чувствовал.

– Здравствуйте! – поспешно сказал я, чтобы отвлечь ее от черных замыслов. – Ладыгин Владимир Сергеевич! Вы хотели со мной поговорить?

Женщина подняла на меня сердитые глаза. Она была из тех особ, возраст которых крайне трудно определить издали, особенно если не присматриваться. Прежде всего в глаза бросались пышная прическа вызывающе платиновых волос и яркие контрастные цвета одежды – черный с красным. Я не говорю уже о таких вещах, как клипсы, цепочки и браслеты. Их было тоже как-то много, и они бросались в глаза. И уже позже вы замечаете неестественный блеск кожи на безжизненном лице, предательскую дряблость шеи и бледные пятнышки пигмента на руках – следы неумолимого времени. Впрочем, несмотря на это, жена генерала все равно была значительно моложе мужа, может быть, лет на пятнадцать.

– Я жду уже сорок минут, – неприятным каркающим голосом сообщила она. – Неужели даже здесь я должна терпеть произвол медицинских работников?..

Сказано было сильно, но я пропустил это замечание мимо ушей. Генеральша может себе позволить многие мысли высказывать вслух – это одна из приятных привилегий генеральского звания. У меня с привилегиями дело обстояло несколько хуже, поэтому я только лишь сказал:

– Прощу извинить – был занят с больными...

– Тут что, некому больше заняться с больными? – удивилась генеральша, но, решив сменить гнев на милость, осведомилась уже не столь агрессивно: – Как там Андрей Тимофеевич? Скажите мне правду!

Я сделал озабоченное, строгое лицо и объяснил:

– Определенного ничего сказать нельзя. В настоящий момент состояние больного стабилизировалось, но возраст... Инфаркт вообще непредсказуемая вещь. Мы делаем все, что в наших силах, но обещать чего-то конкретно не берусь!.. Впрочем, пожалуй, я могу разрешить вам короткое свидание. Буквально пять минут...

Женщина отрицательно покачала головой и скорбно усмехнулась:

– Молодой человек! Может быть, вам нелегко это понять.. Но... короче, наши отношения с Андреем Тимофеевичем... Не думаю, что это пойдет ему на пользу. И все-таки скажите честно – вы уверены, что он выживет?.. У нас два сына. Один здесь, в Москве, а другой сейчас в Англии. Он дипломат. Что мне ему сообщить? Не хотелось бы зря срывать его с места – это может повредить карьере, вы понимаете?

Я пожал плечами. Меньше всего мне хотелось бы вредить чьей-то карьере.

– Вам достаточно сообщить, что Андрей Тимофеевич находится в тяжелом состоянии. Думаю, ваш сын сам решит, как ему поступить в данном случае.

Генеральша посмотрела на меня с сожалением.

– Ах, вы ничего не понимаете! – сказала она безнадежно и устало махнула рукой. – Ладно, доктор, благодарю вас!.. Больше я вас не задерживаю.

Разумеется, она не запомнила моего имени.

Я раскланялся и вышел в коридор, где сразу же наткнулся на Степана Степановича. Он подозрительно всмотрелся в мое лицо, как пограничник, сверяющий личность с фотографией в паспорте, цепко взял за локоть и отвел в сторону.

У него было невообразимо худое лицо с глубоко запавшими щеками – просто череп, обтянутый смуглой кожей. Такое лицо могло бы наводить на неизбежную мысль о скрытой болезни, источившей Степана Степановича, если бы не холодный самурайский огонь, постоянно горевший в его глазах. Жизни и энергии в высохшем теле Ланского хватило бы на двоих.

– Во-первых, Ладыгин, – сурово сказал он, – в ординаторской тебя просят к телефону. Это женщина, и она не на шутку встревожена. Только поэтому я не отчитал ее за звонок в рабочее время... Впрочем, отчитал, но дело не в этом... Во-вторых, в отделение приходят какие-то люди из прокуратуры, милиции... – Он оглянулся и добавил, понизив голос: – Из спецслужб!.. Разве это дело?! Я понимаю! – сказал он, сверкая глазами в ответ на мой протестующий жест. – Я понимаю, что ты ни при чем, что это трагическая случайность и так далее... И тем не менее выглядит это очень, очень неприятно! Убедительно прошу с этим разобраться, Ладыгин!

– Как же я разберусь? – резонно заметил я. – Я человек маленький. Это они со мной разбираются... Черт мне послал этого Казарина!..

– Как хочешь, Ладыгин, как хочешь! – воскликнул Степан Степанович, делаясь неприступным и сердитым. – Приглашай их к себе домой, в ресторан... Куда хочешь! Но на работе этого быть не должно! – Он пронзительно посмотрел мне в зрачки. – Уяснил для себя?!

– В основном да, – выдал я.

– «В основном» здесь лишнее! – строго заметил Ланской. – Учись быть конкретным! И не забудь, тебя к телефону!

Этого-то он мог не говорить. На протяжении всего нашего странного диалога я только и думал о телефоне. Мне почему-то казалось, что это звонит Марина. Трудно было представить, чтобы кто-то еще мог встревожиться из-за моей персоны. Едва сдерживая себя, чтобы не перейти на бег, я поспешил в ординаторскую и взял трубку.

– Здравствуй, Володя! – услышал я ровный, пожалуй, слегка озабоченный голос Марины. – Твое задание я выполнила. Но мне не хотелось бы по телефону... Где мы встретимся?

– Вот черт! – сказал я, едва сдерживая ликование. – До двух я никак не могу уйти. Давай минут пятнадцать третьего у Пушкина, а? Кстати, у меня к тебе тоже есть нетелефонный разговор...

– Надеюсь, это не слишком личное? – со смешком поинтересовалась Марина.

– Сама решишь, – ответил я со вздохом.

– Хорошо, я буду, – сказала Марина. – Не очень задерживайся!

О том, чтобы задерживаться, не могло быть и речи. Едва дождавшись конца смены, я поспешил исчезнуть из больницы. Больше всего я опасался, что по пути меня перехватит следователь Рыбин или потерявший терпение Артем Николаевич, – кто их там знает, как велико их терпение, – но, слава богу, этого не случилось. Кстати, появление таких мыслей меня немного встревожило – что ни говори, а некий зародыш мании преследования поселился в моей душе. Я не отношу себя к категории невозмутимых, стойких натур – я достаточно импульсивен и, как большинство горожан, подвержен неврозам. Прямой контакт с государственной машиной мог основательно поколебать мое душевное равновесие.

Единственный, кто все-таки слегка задержал меня, была нянечка Любовь Михайловна. Это женщина лет сорока с небольшим, но выглядящая старше своих лет. Я знал, что она давно живет без мужа, со взрослой дочерью, что у нее неустроенная личная жизнь и вечная нехватка денег. Жаловаться на их нехватку и было ее любимым занятием.

Я прекрасно понимал, что этой женщине приходится нелегко, но все-таки ее вечно недовольное лицо вызывало во мне раздражение. Сейчас Любовь Михайловна шла мне навстречу с очень хмурым выражением лица.

– Уже уходите? – спросила она меня, как мне показалось, неприязненно.

– Да, смена закончилась. А вы?

– У меня еще дел полно. Крутишься, крутишься – толку никакого!

Я не стал вдаваться в эту тему и утешать Любовь Михайловну, а, быстро пробормотав что-то неразборчивое, удалился. У меня было слишком хорошее настроение, чтобы выслушивать брюзжание неудовлетворенной женщины.

Как ни торопился я на свидание, характер которого был недвусмысленно определен Мариной как не слишком личный, цветы по дороге я купил – это были три раскаленных докрасна тюльпана.

Марина ждала меня, сидя на скамейке сквера. Мои тюльпаны бросились ей в глаза изда- лека – она тут же поднялась и пошла навстречу. Лицо ее, обрамленное темно-каштановыми, коротко стриженными волосами, казалось немного утомленным. Карие глаза смотрели на меня с обычным выражением, в котором грусть и ожидание причудливо сочетались с беззлобной иронией.

– Привет! – сказала она, протягивая маленькую теплую ладонь. – Ты опять притащил цветы! Зачем?

– Чтобы ты заметила меня в толпе, – объяснил я. – Видишь, какие они яркие?

– Звучит убедительно. Спасибо, – сказала Марина, взяв у меня тюльпаны. – Без них ты совершенно сливаешься с толпой. – Она слегка улыбнулась и добавила сочувственно: – Ты что-то неважно выглядишь... У тебя был трудный день?

– Зато ты выглядишь прекрасно! – соврал я. – И наряд этот тебя очень молодит. Я не дал бы тебе сейчас больше двадцати.

– Перестань! – досадливо поморщилась Марина. – Я торопилась. Надела, что было под рукой.

На ней был джинсовый костюм, действительно придававший ей сходство со студенткой-старшекурсницей, и черная шелковая рубашка, под которой был повязан шейный платок – неизменная маскировка.

– Кстати, может быть, перекусим? – предложил я. – Ужасно хочется есть. Тут поблизости есть пиццерия. Как ты относишься к пицце?

– Я ее ненавижу, – равнодушно сказала Марина. – Но, если ты настаиваешь... Все равно где-то надо присесть.

Мы медленно направились в сторону кинотеатра «Россия»: Марина – задумчиво опустив голову и словно любуясь цветами, и я – с тревогой и нерешительностью поглядывающий на нее. Собственно говоря, нерешительность моя объяснялась просто – в обществе Марины мне

уже не хотелось вспоминать о неотложных делах, а хотелось болтать о пустяках и отвлеченных, но весьма многозначительных предметах. Но я начал с того, что спросил:

– Признайся, где ты была этой ночью? Я звонил тебе весь вечер и утром – телефон не отвечал... Я испугался, не случилось ли чего...

Марина искоса посмотрела на меня.

– А я должна была непременно быть дома? – невинно поинтересовалась она. – Почему ты вдруг решил позвонить?

– Ты мне срочно понадобилась. Это было очень важно.

– Если это было так важно, ты мог бы и приехать.

– Неужели мог бы? – с надеждой спросил я.

– Конечно, – кивнула Марина, добавив с сомнением: – Если это было так важно!

– Как же я приехал бы, – немного растерянно заметил я, – если тебя все равно не было дома?!

– Да была я дома! – отмахнулась Марина. – Просто провозилась до полуночи с твоей загадкой, а когда вернулась, отключила телефон, чтобы выспаться... Кстати, мне в три часа бежать нужно, – сказала она, взглянув на наручные часы.

После этих слов я приуныл, но высказать своего неудовольствия вслух не успел, потому что мы уже стояли у дверей пиццерии. Забегаловка оказалась с претензией на оригинальность, на некую домашнюю обстановку. В воздухе витал аромат очага, над головой смыкались стилизованные кирпичные своды, трещало полено в камине, с полки горячо и легкомысленно поблескивали бутылки с итальянскими названиями, и даже официанты здесь были – вылитые итальяно, со жгучими бакенбардами и выразительными смуглыми носами.

Мы уселись за столик, и я, в надежде, что Марина все-таки раздумает покидать такой уютный уголок, предложил:

– А не выпить ли нам какого-нибудь кьянти? Или, на худой конец, чинзано... Как в песне – «постоянно пьем чинзано...», а?

– Я с удовольствием выпью кофе, – заявила Марина, строго глядя на официанта с продвунной итальянской физиономией. – Большую чашку, пожалуйста. С сахаром.

– Будет сделано! – горячо заверил «итальянец», и, честное слово, мне послышалось, что он прибавил слово «синьора».

Я уныло заказал себе пиццу с сыром и стакан апельсинового сока.

– Итак, зачем я тебе вчера так срочно понадобилась? – поинтересовалась Марина, серьезно глядя мне в глаза.

– Сначала скажи, что ты выяснила, – пробурчал я.

– Хорошо, – кротко ответила Марина. – Тот предмет, что ты передал мне для экспертизы, является кассетой с микрофотопленкой. Объектом съемки являлась в основном документация некой фирмы. Как официальная документация, так и неофициальные записки, заметки в календарях и записных книжках. Съемка велась, по-видимому, импортной аппаратурой, применяющейся для промышленного шпионажа. Аппаратура эта довольно старая, и пользовался ею скорее всего любитель, потому что качество изображения оставляет желать лучшего. Однако, насколько я поняла, содержание некоторых документов, особенно тех, где упоминаются довольно известные фамилии, является, в принципе, компроматом. Я не специалист в этом вопросе, но речь там идет о продаже военных технологий странам «третьего мира». Помоему, это запрещено международными конвенциями, но как на это смотрят наши законники, точно не скажу. Это не моя область. Впрочем, думаю, руководству фирмы обнародование подобных документов в любом случае будет некстати. Наверное, такие вещи не афишируются... Вот и все, что я хотела тебе сказать.

– Гм, ну и что ты сама об этом думаешь? – осторожно спросил я. – Как с этой пленкой следует поступить? Ею уже интересовались – следователь из прокуратуры и господин из службы безопасности президента... Да и те, кто угробил Казарина, тоже. Первым двум я соврал.

– Зачем?! – подняла брови Марина.

Я смутился.

– Ну-у... Пленку-то я отдал тебе. Мало ли что... У меня нет никакого желания вмешивать тебя в эти дела.

– Весьма любезно с твоей стороны, – признательно сказала Марина. – Тогда я советую тебе выбросить эту пленку. Раз начал врать, то ври до конца, это я тебе как криминалист говорю.

Официант принес большую чашку ароматного кофе и еще теплую пиццу. Но мне уже расхотелось есть.

– Понимаешь, – сокрушенно признался я. – Врать уже не выйдет. Во-первых, Артем Николаевич, что из службы безопасности, пообещал меня непременно навестить еще раз. Он и в первый-то раз мне не поверил... А во-вторых, есть еще один неприятный момент. Исчезла жена убитого – сразу же, как покинула больницу, так и исчезла. Наверняка эти события связаны между собой. А как ее найти, если продолжать врать? Если она, не дай бог, погибнет, я буду косвенно виноват в ее смерти...

Марина посмотрела на меня, и, честное слово, мне показалось, что глаза ее потемнели от тревоги. Она отставила в сторону чашку и сказала:

– Тогда просто отдай пленку этому Артему... как его? Только учти – это люди особого склада. Они наверняка решат, что ты как-то замешан в этом деле или, по крайней мере, сунул нос в чужие секреты... И будут, кстати, правы. Но вот какие выводы они сделают из этого?

– Да бог с ними, с выводами, – махнул я рукой. – Тут вся штука в том, что я телефон этого Артема потерял. Не попрусь же я в Кремль – где тут у вас такой-то?.. Придется теперь ждать, когда он сам нагрянет...

Марина отхлебнула глоток из чашки и поморщилась – видимо, кофе уже остыл.

– А ты уверен на сто процентов, что этот человек действительно из Кремля? – задумчиво спросила она.

Я замялся. Насколько я помнил, никто из визитеров не предъявлял мне своих документов.

– Вот то-то и оно, – сказала Марина. – Может получится так, что пленка попадет не в те руки, и женщине ты ничем не поможешь. Отдай ее следователю, и пусть он при тебе оформит протокол... Трудно сказать, чем все это обернется, – задеты интересы высокопоставленных чиновников – сделки утверждались в правительстве... Но выше головы все равно не прыгнешь.

Марина ободряюще мне улыбнулась и с сожалением посмотрела на часы.

– Все-таки уходишь? – сумрачно спросил я.

– Мне пора, – сказала она. – Позвони, как все утрясется. А это вот твой загадочный предмет.

Она положила на столик стеклянную трубочку из-под валидола, в которой перекачивался черный цилиндрик. Я демонстративно обтер стеклянную оболочку носовым платком и положил в карман пиджака.

– Твои отпечатки, – многозначительно сказал я.

Марина засмеялась и по-приятельски накрыла мою ладонь своей.

– Ты превращаешься в матерого шпиона, – шутливо сказала она.

Звук ее голоса, тепло руки и живой блеск темных глаз, которые были так близко, вдруг подействовали на меня так, словно я переживал все это впервые. У меня перехватило дыхание, и в груди поднялась горячая сладко-болезненная волна. Чтобы не показаться смешным, я тоже поспешил отшутиться.

– Я не шпион, а защитник вдов и сирот!

Марина коротко рассмеялась и поднялась со своего места.

– Все! Я бегу! Не провожай меня... И ни пуха ни пера, защитник!

Она потрепала меня по голове и быстро пошла к выходу. Я смотрел, как за ней захлопывается дверь, а потом машинально выпил свой сок, не почувствовав вкуса, и позвал официанта, чтобы рассчитаться.

– Вам не понравилась наша пицца? – с затаенной обидой осведомился он.

– Ну что вы, – любезно ответил я. – По-моему, это я ей не понравился...

Я вышел на улицу и огляделся по сторонам. Шпион не шпион, но, должен признаться, на все вокруг я смотрел уже другими глазами. Причастность к чужим секретам ставила меня в критическую ситуацию. Залитые послеполуденным солнцем лимузины с непроницаемыми стеклами подкрадывались к тротуару. Я не знал, что мне делать. Слова Марины о том, что пленка может попасть не в те руки, смущали меня. В былые времена я доверился бы с потрохами любому участковому. Но теперь даже следователь московской прокуратуры не представлялся мне достаточно надежной фигурой. Постепенно мной овладела навязчивая идея подстраховаться. Из криминальных фильмов я знал, что владеющий тайной остается целым и невредимым до тех пор, пока эта тайна у него в руках. Если я расстанусь с пленкой, рассудил я, может получиться так, что за мою жизнь никто не даст и гроша. Но и не отдать ее я не могу. И мне пришла в голову совершенно безумная идея, которая в тот момент показалась блестящей. Я решил снять с пленки копию.

Нужный человек жил совсем рядом – в Успенском переулке. Был он профессиональным фотографом и горьким пьяницей. В светлые минуты он подрабатывал в нескольких газетах и делал весьма выразительные портреты на заказ. Заработав некоторое количество денег, он уходил в запой, и его коммунальная квартира превращалась в вертеп, где собирались такие же запойные профессионалы – неудавшиеся писатели, непродвинувшиеся артисты и нестандартные фотомодели. Когда-то захаживал на эти богемные оргии и я, и даже по молодости пытался помочь Ефиму – так звали фотографа – вылечиться от алкоголизма. Затея моя провалилась, но Ефим был настолько изумлен моим порывом, что сделал мой фотопортрет в таком выгодном ракурсе, что в нем узнавали кого угодно – Алена Делона, Майкла Дугласа, но только не меня. Этот портрет до сих пор валяется у меня где-то на антресолях.

Мы не виделись уже года три, но я надеялся, что Ефим меня не забыл – он не забывал ни одного человека, которого снимал. Для налаживания более близкого контакта я купил в магазине литровую бутылку «Кристалла» и направился в Успенский переулок.

У входа в подъезд я воровато огляделся по сторонам, ожидая увидеть плетущихся за мной громил с поднятыми воротниками. Но никого, кроме стайки детей, играющих на асфальтовом пятачке между старыми потемневшими домами, рядом не было. Я вошел в сумрачный подъезд, пахнувший кошками, и по щербатой узкой лестнице поднялся на третий этаж. На облупившейся двери торчали два электрических звонка. Насколько я помнил, кухню Ефим делил с глухой, ко всему безразличной старухой, но была ли она еще жива, я не знал. Кроме того, я забыл, какой звонок принадлежит Ефиму, и нажал сразу на оба.

Ждать пришлось недолго. Послышалось тюремное лязганье цепей и засовов, дверь со скрипом отворилась, и передо мной выросла мрачная фигура Ефима в старой тельняшке и спортивных шароварах с лампасами. Насупленную физиономию фотографа покрывала кудлатая с проседью борода.

– Привет! – сказал я. – Ладыгин. Володя.

– Да узнал я! – поморщился Ефим. – Заходи!

Я вошел в прихожую. В воздухе витал запах старой обуви и химикалий. На двери Ефимовой соседки висела наискось бумажка с печатью. На мой вопросительный взгляд Ефим буркнул:

– Преставилась старушка! Мир ее праху! А с комнатой домоуправление никак не разберется... Ну, выкладывай, с чем пришел! Наверное, не просто так завалился?

Многозначительно протягивая пакет, я сказал:

– Дело у меня к тебе, Ефим, срочное! На миллион!

Ефим скептически взглянул на содержимое пакета и равнодушно заметил:

– Отстал ты от жизни, старик! Я ведь в глухой завязке. Год уже. – И, заметив мою растерянность, добавил: – Но можешь оставить. Мне тут трубу в ванной менять нужно – пригодится. А вообще, чем я тебе помочь-то могу? Тебя вроде моя специфика никогда особенно не интересовала?

– Теперь интересуется, – сказал я и достал из кармана упаковку от валидола. – Вот здесь микропленка. Ты копию сделать можешь?

Ефим взял трубочку, посмотрел на просвет.

– Пошли, что ли, на кухню? – предложил он. – Обмозгуем.

На кухонном столе стоял большой фотоглянцеватель и тарелка с нарезанным хлебом. Под потолком сохла на бельевой веревке фотопленка.

– Жрать хочешь? – спросил Ефим. – Могу яичницу сварганить.

Я с сожалением вспомнил несъеденную пиццу, проглотил слюнки и все-таки отказался – не хотелось терять время. Ефим вытряхнул на ладонь черный цилиндрик и оценивающе посмотрел на него.

– И срочно тебе? – с сомнением произнес он, поднимая на меня глаза.

– Хотелось бы сегодня, Ефим! – умоляюще сказал я. – Вопрос жизни и смерти.

Ефим покачал кассету на ладони и отрицательно мотнул головой.

– Сегодня не выйдет! – заявил он. – Мне нужно еще пленку подобную разыскать... На это время нужно. Я же, старик, микросъемкой не занимаюсь!

Лицо мое заметно вытянулось, и Ефим сказал:

– Может, тебя устроит в другом формате? Тогда можно и сегодня сделать...

– Это как – в другом формате?

– Ну, я тебе пересниму это дело на обычную пленку – выйдет две-три кассеты... Или тебе обязательно, чтобы можно было в задницу спрятать?

– А можно, значит, на обычную? – обрадовался я. – Да ради бога! Мне главное, чтобы дубликат был. Только честно признаюсь – денег у меня с собой нет...

– Потом сочтемся! – махнул рукой Ефим. – Я же вижу, что у тебя горит. Только, – предупредил он, – часа четыре придется ждать. Имей в виду! Так что насчет яичницы хорошенько подумай! А хочешь – можешь один выпить, я на это не реагирую.

– Пить не буду, – заявил я. – А яичницей займусь. Где у тебя?

– В холодильнике, – сказал Ефим. – Пока я там возиться буду – не отвлекай. Звонить будут – не открывай. В общем, развлекайся от души!

И он удалился к себе в комнату, которая одновременно являлась у него и студией, и лабораторией. Оставшись один, я занялся яичницей – сначала приготовлением, а потом уничтожением. Потом вымыл посуду. Потом просто скупал.

Время тянулось невыносимо медленно. Из комнаты Ефима не доносилось ни звука, и у меня возникало ощущение, что я брошен в одиночестве. Наконец часа через полтора раздался шум, хлопанье дверей, и появился Ефим с фотобачками в руках. Он подмигнул мне и пристроил бачки в раковину под струю воды.

– Ванная у меня не функционирует! – с досадой сказал он. – Полный зарез! Приходится на кухне... – И деловито пояснил: – На двух пленках уместилось. Что-то около семидесяти кадров. Но... качество, брат, аховое! – Он с любопытством посмотрел на меня. – Сам снимал?

– А что? – невинно спросил я.

– Да, по-моему, фотограф – очень нервный человек, – объяснил Ефим.

– Нет, он сейчас очень спокойный, – ответил я. – А что, все уже готово?

– Ну! Еще закрепление, окончательная промывка, сушка, – ответил Ефим. – Часа полтора еще... Сейчас с растворами закончу, и мы с тобой чаю выпьем. С вареньем!

Чай у Ефима оказался таким крепким, что во рту долго сохранялся терпкий вяжущий вкус, не перешибавшийся даже ароматным абрикосовым вареньем. Ефим заметил, как осторожно я колдую над своим стаканом, и усмехнулся:

– Извини! Переборщил с заваркой. Это по привычке. Я теперь для утешения на чифирь налегаю. Природа, брат, не терпит пустоты!

– А ты как же... – осторожно начал я.

– Хочешь сказать, как завязал? – подсказал Ефим. – Да много чего тут было! Всего и не расскажешь... В тупик зашел, старик, капитально! Но пока держусь. «Капуста» появилась. Теперь на квартиру коплю. Сiju один, как бирюк. Старых прихлебателей всех разогнал. У меня давно уж никто не бывает... За этот месяц, считай, ты первый гость. Ну а у тебя как дела? Где теперь? – Да все там же, – пожал я плечами. – В обители скорби.

– А-а... – деликатно протянул Ефим. – А я уж было решил, что ты профессию сменил...

– Ты насчет пленки? – засмеялся я. – Нет, это просто хобби такое...

Ефим покивал головой

– Хобби всякие бывают, – спокойно произнес он. – Чего только люди не придумают. Недавно по телевизору видел – со скалы вниз головой прыгают. С парашютом. Тоже хобби... – Глаза его невинно усталились на меня.

– Это не по мне! – уверенно заявил я. – Мой потолок – седьмой этаж, на лифте, со страховкой...

– А то я уж было подумал – ты тоже из этих, из парашютистов! – сказал Ефим, вставая.

Внимательно осмотрев пленки, он, кажется, остался доволен результатами. Скатав пленки в два маленьких рулончика, он вложил их в пластмассовые футляры и протянул мне.

– Держи! Без нужды не вытаскивай – поцарапаешь! А это вот твоя фитиолька. – Он вернул мне оригинал в стеклянной трубочке.

Я рассовал все по карманам и пожал Ефиму руку.

– На днях забегу, – пообещал я. – Расплачусь. Сколько я тебе должен?

– Да ладно! – отмахнулся Ефим. – Литра хватит. Мне все равно трубу менять.

– Ну, спасибо тогда! – сказал я и предупредил: – Только ты все-таки, знаешь... Если что, не видел меня и не слышал, ладно?

Ефим серьезно посмотрел мне в глаза и покачал головой.

– Значит, все-таки с парашютом? – сказал он. – Ну, это не мое дело. Насчет всего прочего можешь не беспокоиться. Сам знаешь, я и в пьяном виде разговорчивостью не отмечался... Ну, прощай! Забегай, если время будет!

– Обязательно зайду! – пообещал я.

Когда я вышел со двора в переулок, было уже половина седьмого. Город окрасился в особенный золотисто-румяный цвет, который предшествует закату и навеивает расслабленное мечтательное настроение, располагающее к самым мирным и романтическим занятиям. В такой час хорошо спешить на свидание, на футбол или просто слоняться по шумному городу, глаза на хорошеньких девушек. Ни одно из этих занятий мне сейчас не подходило. Я ограничился довольно торопливым маршем до станции метро «Маяковская» и поехал домой.

По правде сказать, компромат, увеличившийся в размерах, начинал жечь мне карман. Воображение рисовало самые отчаянные и туманные картины с участием каких-то зловещих типов в черных очках, крадущихся по моим следам. Разозлившись на самого себя, я поклялся завтра же передать микрофильм первому же, кто его потребует. Взяв с него непременно расписку.

Это решение неожиданно успокоило меня, и домой я добрался в довольно благодушном настроении, которое не ухудшилось, даже когда я вспомнил, что так и не сделал никаких продовольственных запасов. Придется обойтись консервами, подумал я, а хлеба одолжу у Ксении Георгиевны. Она наверняка ходила сегодня в магазин, потому что накануне так и не дождалась обещанного мной кефира. Состроив покаянную мину на лице, я позвонил в соседскую дверь.

Едва увидев лицо Ксении Георгиевны, я сразу понял, что ее распирает от желания побеседовать. Поскольку ее благообразные черты несли на себе печать торжественности и тревоги, я решил, что разговор на сей раз пойдет о болезнях.

– Ксения Георгиевна! Дорогая! – торопливо заговорил я, пытаясь предупредить нежелательное развитие событий. – Тысячу раз извиняюсь, но не дадите ли мне немного хлеба? Так спешил, что совсем забыл забежать в магазин!

Разумеется, надежды мои были напрасны. Ксения Георгиевна поджала губы, подозрительно покосилась куда-то мне за спину и вдруг, цепко ухватив за рукав, поманила за собой в квартиру. Выглядела она при этом крайне загадочно. Недоумевая, я шагнул за ней в прихожую и прикрыл дверь.

Убедившись, что дверь заперта, Ксения Георгиевна приблизилась ко мне и, понизив голос, произнесла:

– Володечка, мы должны что-то наконец делать!

– Мы с вами? – удивился я. – А что такое случилось?

– Мы все – жильцы! – отрубил Ксения Георгиевна. – Слава богу, ничего еще не случилось, но, вот увидите, случится непременно, если мы не поставим на двери кодовые замки. У нас сегодня тут шлялись весьма подозрительные личности!

Я нахмурился и попросил объяснить подробнее. Оказалось, что сегодня днем Ксения Георгиевна, совершенно случайно выглянув в дверной глазок, обнаружила толкущихся на лестничной клетке двух подозрительных типов. Причем появлялись они дважды и ушли только после того, как Ксения Георгиевна, приоткрыв дверь на цепочке, пригрозила вызвать милицию.

– Они и к вашей двери подходили, Володечка! – трагическим шепотом сообщила она. – И присматривались к замку, честное слово! – Она саркастически засмеялась. – Они заявили мне, что пришли от домоуправления! Будто я не знаю, кто работает в нашем домоуправлении!

– А как они выглядели, Ксения Георгиевна? – полюбопытствовал я. – Был среди них такой высокий, серьезный, в хорошем костюме, похожий на офицера?

– Что вы, Володечка! – замахала руками соседка. – Какой там офицер. Самые настоящие бандиты! Один невысокий, в кепочке – глаза наглые, бесстыжие, и губы навыворот. А второй – нерусский, черный весь, а глаза так и сверкают!

– Ну, ничего, Ксения Георгиевна, – задумчиво проговорил я. – Может быть, они действительно из домоуправления... Хлебца-то дадите?

– Разумеется, Володечка, – кивнула старушка. – Но вы напрасно мне не верите. Жулики это были. А у нас с вами даже телефона нет!

Я старался не показывать вида, но хорошее настроение улетучилось как дым. Теоретически подозрительная парочка действительно могла оказаться десантом из домоуправления. Наконец, это могли быть вульгарные домушники. Но что-то подсказывало мне, что этих людей привела сюда не простая случайность.

Впервые я взглянул на свои дверные запоры с критической точки зрения. Критики они не выдерживали ни малейшей. Я не удосужился обзавестись даже дверной цепочкой. Оставалось надеяться на свои скромные силы, накопленные в спортивных залах и, увы, уже несколько подростерянные в городской суете.

Вспомнив о своих спортивных достижениях, я невольно бросил взгляд на ружье для подводной охоты и приободрился – чем не оружие? Я немедленно разыскал под столом гарпун и вложил его в ружье. В таком виде мое оружие выглядело достаточно грозно, и я даже внут-

ренине содрогнулся, представив себе, как стальная стрела впивается в человеческую плоть. В воображении это выглядело впечатляюще, но у меня не было уверенности, что мне хватит духу пустить его в ход.

Следующей проблемой было спрятать пленки. Стекланную трубочку с микрокассетой я, недолго думая, просто оставил в кармане пиджака, а копии спрятал в отделении для батареек старого переносного радиоприемника «Океан», который давно уже не ловил ни одной станции.

Затем я поужинал рыбными консервами и жидким чаем, размышляя над тем, как я сам себе порчу жизнь непредсказуемостью и импульсивностью поступков. Эта черта присутствует в моем характере с детства. И даже мой тренер по боксу однажды сказал мне с безнадежностью в голосе: «Данные у тебя, Володя, прекрасные, но ты неисправимый авантюрист... Ты увлекаешься там, где должен быть расчет, и пугаешься там, где никакой опасности... Не выйдет из тебя чемпиона!» Сейчас я был с ним полностью согласен, но вся штука в том, что нелепость своего нелепого поступка я осознаю уже задним числом, а в момент его совершения он представляется мне вполне логичным и обоснованным, – такой вот замкнутый круг.

Поужинав и немного посмотрев телевизор, я вышел на балкон. Вокруг меня расстилась залитая огнями Москва. Огни разбегались во все стороны, сливаясь с горизонтом, и возникало ощущение, будто им нет конца, и весь земной шарик заполнен ими, и ни для чего другого не осталось уже места.

Где-то в этой сверкающей мешанине страдает сейчас и ждет помощи женщина, потерявшая мужа, а я, вместо того чтобы помогать, размышляю о всякой чепухе и теряю драгоценное время. Мне вдруг стало так стыдно, что я едва удержался, чтобы немедленно не отправиться в прокуратуру. Я просто побоялся опять совершить чепуху и решил отложить дело до завтра, памятуя, что утро вечера мудренее.

Перед тем как отправиться в постель, я все-таки положил возле дивана ружье для подводной охоты – так мне было спокойнее. Вообще-то держать ружье на постоянном взводе не рекомендуется, потому что резина растягивается и теряет убойную силу, но я махнул на это рукой – вряд ли в ближайшем будущем мне доведется выбраться на море.

Заснул я, против ожиданий, довольно быстро и спал без сновидений, как новорожденный младенец. Даже шум ночного города, свободно доносившийся через раскрытую балконную дверь, не беспокоил меня. Пожалуй, за эти два дня я сильно перенервничал и переутомился.

И все-таки посреди ночи что-то меня разбудило. Я открыл глаза и вытаращился на фосфоресцирующий циферблат настольных часов. Шел третий час ночи. Какое-то неприятное тревожное чувство мешало уснуть. Мне показалось, что я слышу необычные, странные звуки. Откуда они исходят, я никак не мог сообразить.

Звук повторился. Теперь я слышал совершенно отчетливо, что он доносится со стороны балкона. Предательский холодок пробежал у меня между лопаток. Я посмотрел в окно, одновременно нащупывая рукой металлическое ложе ружья под диваном.

Перед раскрытой балконной дверью колыхалась кисейная занавеска, а за ней на фоне ночного неба, озаренная отблеском ночных огней, болталась в воздухе темная человеческая фигура!

Я быстро сел на кровати, сжимая в руках ружье, и выкрикнул непослушным осипшим голосом:

– Кто там?

Фигура скользнула вниз и оперлась ногой о перила балкона. Теперь я видел, что человек висит, придерживаясь за трос, спущенный с крыши. Он уже приседал, намереваясь спрыгнуть на балкон. Я вскинул ружье и, нацелившись немного левее зловещей тени, нажал на спуск. У меня не было намерения попасть в этого человека. Я был напуган и хотел напугать и его. Это удалось мне вполне.

Стальная стрела прошла занавеску и с шуршанием ушла в темноту. Незнакомец невольно отшатнулся в сторону, и ноги его соскользнули с перил. На секунду он повис в воздухе, вцепившись одной рукой в тонкий трос, а потом с коротким криком провалился вниз.

Леденя от ужаса, я услышал глухой удар тела об асфальт, а потом чьи-то торопливые шаги на крыше. Я спрыгнул с постели, быстро натянул брюки и, сунув в карман ключи, выбежал из квартиры. Сломая голову я помчался вниз по лестнице, только здесь уже сообразив, что вышел из дома босиком.

Первое, что я увидел, выскочив из подъезда на улицу, это – как отъезжает от тротуара светлая «Волга». Я диким взглядом посмотрел ей вслед, но машина уже мчалась прочь по пустой улице – я даже не успел заметить номер.

Я обежал вокруг дома и оказался во дворе, погруженном в тишину и полутьму. Впрочем, некоторые окна в доме уже горели – наверное, жители слышали крик и шум падения. Я прошел еще немного и наткнулся на распластанное по земле тело.

Опустившись на колени, я ощупал лежащего – каким-то чудом он был еще жив. Я наклонился поближе и услышал, как сквозь хрип и клекотанье доносятся какие-то слова.

– Кулак? – пробормотал незнакомец. – Нет?.. Где?.. – Его ускользающие глаза на миг остановились на моем лице, и он, кажется, поняв, что перед ним чужой, с усилием выдавил: – Путилковское... шоссе...

Клянусь, что в этот момент на его немеющих губах появилась злорадная усмешка. Но она тут же сменилась болезненным оскалом. Человек захрипел, закатил глаза – по телу его прокатилась судорожная волна, – и в следующее мгновение он вдруг обмяк и затих. Я по привычке приложил пальцы к его сонной артерии, но этого можно было уже не делать.

Я медленно поднялся и оглянулся по сторонам. С балкона третьего этажа меня окликнули.

– Что там случилось? – Голос мужчины в трусах и майке звучал взволнованно и напряженно.

– У вас телефон есть? – спросил я. – Вызывайте милицию! Здесь человек разбился.

Мужчина торопливо кивнул и, подтянув трусы, шагнул к балконной двери.

– А «Скорую»? – вспомнил он, оборачиваясь. – «Скорую» вызывать?

– «Скорую» уже необязательно, – ответил я.

Маленькая спальня на втором этаже загородного дома была погружена в темноту. Через раскрытую форточку в комнату проникал прохладный ночной воздух, насыщенный смолистым сосновым ароматом, смешиваясь с запахами человеческого пота и табачного дыма. Огонек сигареты периодически высвечивал из тьмы жесткое замкнутое лицо Темина и его голые мускулистые плечи – он курил, молча глядя в потолок.

Мария, прижавшись щекой к его широкой волосатой груди, жадно всматривалась в дорогие ей черты, на мгновение вспыхивающие во мраке демоническим красноватым свечением. Темин своим внешним видом всегда сильно ее возбуждал. Она обожала его.

Он действительно был очень привлекателен как мужчина: черные волосы, в которых не было и намека на седину, орлиный нос, придававший его лицу оттенок приятной мужественности, а особенно хороши были его глаза: серые, ясные и какие-то пронзительные. Они словно излучали магический свет, который манил и пленял Марию.

Мария лежала поперек широкой кровати, расслабленная и обнаженная после только что происшедшего соития, смятое одеяло было сброшено на пол.

Темин думал о чем-то своем, не глядя на Марию, а ей очень хотелось поговорить с ним. После секса она всегда ждала от него каких-то ласковых слов, и ей это было даже важнее самого процесса, несмотря на весь ее недюжинный темперамент.

Однако Темин, как раз наоборот, после занятий любовью становился замкнутым, отчужденным и порой даже откровенно грубым. Она терпела это, потому что действительно сильно любила. Было в ее чувстве даже что-то болезненное, патологическое, часто приносящее ей больше боли, чем радости. Но отказаться от него она была не в силах.

По опыту Мария знала, что нужно просто дождаться нового приступа желания у своего любовника, и тогда она получит и нежность, и страсть, и ласку. Поэтому она тяжело вздохнула, видя, что Темин никак не реагирует на нее, и перевернулась на другой бок.

Тем не менее долго она так лежать не смогла и принялась ласково шевелить волосы на груди Темина. Он досадливо отбросил ее руку. Мария еще раз вздохнула и с тоской уставилась в стену.

Однако долго ждать новой вспышки ей не пришлось: Темин, докурив сигарету и несколько минут еще посидев в задумчивости, сам потянулся к ее небольшой, но великолепной формы груди и принялся ласкать ее. Потом он приник к ней губами и начал совершать круговые движения языком вокруг соска.

Мария тихонько простионала от нарастающего желания. Эти ее стоны всегда сильно возбуждали Темина. И сейчас он почувствовал, как в нижней части его тела стремительно пошли бурные процессы.

Поняв, что желание охватывает его все сильнее и сильнее, Темин сменил нежность на страсть, оторвал губы от упругой груди и уже с силой начал сжимать ее, пощипывая сосок Марии. Она обвила его шею горячими руками и жадно припала к губам своего любовника. Язык ее проник в глубь его рта и яростно заскользил там.

Темин всегда поражался бешеному темпераменту своей любовницы, она приводила его просто в иступление. Резко отстранившись от ее рта, он с силой нагнул голову Марии вниз. Она моментально сообразила, чего он от нее хочет, и перенесла свое внимание на его член.

Этой техникой Мария владела в совершенстве. Она очень умело провела языком по возбужденной головке. От ее дрожащих движений у Темина по телу пробежала дрожь. Он сжал голову Марии руками, показывая, что ему хочется большей активности.

Мария тут же сильнее задвигала языком, а потом погрузила вздыбленную плоть целиком себе в рот, не переставая при этом работать языком. Темин уже стонал открыто, чувствуя, что вот-вот наступит вершина, к которой он так стремился. Однако Мария, чтобы избежать преждевременного пика, сменила ритм на более мягкий и спокойный.

Темин наслаждался ее ласками, тоже пытаясь оттянуть приятный момент. Он принялся гладить тело Марии, покрывая поцелуями ее склоненную голову.

Сама накалившись до предела, Мария вдруг резко поднялась и быстро и уверенно села сверху на Темина и принялась совершать ритмичные движения. Дыхание ее участилось, русые волосы разметались по плечам, в глазах горел какой-то безумный огонь.

Она всегда занималась любовью с полной самоотдачей, вся целиком погружаясь в этот процесс, и ничего другого в данный момент для нее не существовало.

Продолжая двигать бедрами, она откинулась назад, поглаживая рукой внутреннюю поверхность бедер Темина. Она уже чувствовала приближение высшей точки наслаждения, поэтому темп ее движений усилился, перерастая просто в бешеную скачку. Темину стало казаться, что его плоть сейчас просто воспламенится, когда Мария, издав протяжный стон, изо всех сил сжала бедрами бока своего партнера, отдаваясь во власть мучительной сладости.

Когда безумные ощущения спали, она упала лицом на грудь Темина. Тот приподнял ее и впился в губы Марии. Потом он развернул ее спиной к себе и вошел в нее сзади резко, глубоко, до конца. Мария низко охнула, то ли от боли, то ли от удовольствия, но Темин уже не заботился о ее ощущениях.

Он почувствовал в себе какой-то звериный инстинкт и исполнял функцию здорового самца. У Марии почти сразу возникло повторное желание, и Темин это ощутил. В нем под-

нялся всплеск какой-то агрессии, и он грубо и примитивно пользовал свою подругу, крепко обхватив ее бедра, сжимая их, входил и входил в Марию, то притягивая, то отдаляя ее от себя. Она мотала головой из стороны в сторону и была словно невменяемая. Темин и сам почувствовал себя одержимым...

Экстаза на этот раз они достигли одновременно. У Темина наслаждение вышло очень острым, у Марии более протяжным и расслабленным.

После того как все закончилось, она повернулась к Темину лицом, а затем легла на него сверху, зарываясь лицом в волосы на его груди.

В комнате повисла тишина. Двое утомленных любовников лежали молча, не в силах даже думать ни о чем.

Далекий гортанный крик донесся из леса – тоскливый и тревожный. Мария приподняла голову и замирающим голосом проговорила:

– Слышишь? Это леший кричит!

– Это сова кричит, – недовольно буркнул Темин и повернулся, пытаясь нашарить под кроватью пепельницу. – Черт! Слезь же наконец с меня! Прилипла – шевельнуться невозможно!

Мария медленно села на постели. Темин не мог видеть выражения ее глаз, но в голосе Марии прозвучал печальный упрек.

– Не любишь ты меня, Костик! А ведь ты – единственный человек, которому я готова отдать свою жизнь... Тебя никто так не будет любить, поверь мне! Из-за тебя я бросила все – друзей, сцену! Я ведь на Таганке играла – подумать только! Какие имена! И все это я бросила ради тебя...

Темин раздраженно затушил сигарету, порывисто сел и опустил ноги на пол.

– Вот только этого не надо! – в сердцах бросил он. – Терпеть этого не могу! Слюни эти... Не строй из себя девятиклассницу в белом фартучке! Любит – не любит... И из театра ты не сама ушла, а вышибли тебя – за наркоту!

Мария издала горлом странный звук – будто поперхнулась – и, помолчав немного, ответила ровным бесцветным голосом:

– Ничего ты не понимаешь. Все было совсем по-другому. И наркотики – это я уже с тобой пристрастилась... Все порвано, а впереди что? Со шпаной твоей на дело ходить? – Она неожиданно всхлипнула. – Мне так хочется куда-нибудь уехать! Где тепло, красивые белые дома и красивые люди...

Темин с неудовольствием вслушивался в срывающиеся интонации ее голоса, а потом придвинулся ближе и, найдя в темноте гибкое жаркое тело Марии, неловко обнял ее и прижал к себе.

– Ну, все, все! Закончили! – грубовато сказал он. – Не раскисай! Ты же знаешь, что ты мне нужна!.. Но куда мы с тобой пока не уедем – мы оба на крючке. У тебя много денег? Ну то-то! И у меня то же самое...

– Но ты же можешь продать этот дом! – с надеждой шепнула Мария. – Он такой уютный. Я его ненавижу!

– Дом фактически мне не принадлежит, – хмуро ответил Темин. – Он только оформлен на меня. А настоящий хозяин Корнеев.

– Как мне все надоело! – вздохнула Мария. – Корнеев, Корнеев! Послал бы ты его подальше!

– Ты думаешь, что говоришь? – сердито спросил Темин, отталкивая девушку от себя. – У меня из-за тебя и так куча неприятностей! А ты еще лепишь что попало! Придержи язык, предупреждаю тебя!

Он зажег ночник и, повернувшись спиной к Марии, принялся надевать брюки. Потом он обернулся, намереваясь что-то сказать, но грубые слова застыли на его губах. Мария стояла

на коленях посреди смятой постели и сквозь упавшие ей на глаза спутанные волосы мрачно смотрела на Темина. Руки ее безвольно свисали вдоль тела.

Темин невольно впился глазами в эти покорно опущенные плечи, аккуратные полушария груди с большими розовыми сосками, плоский, бесстыдно выпяченный живот, покрытый внизу золотистым пушком, призывный изгиб бедер. Кожа у нее была гладкая, цвета топленого молока – Темину захотелось немедленно дотронуться до нее, впиться в нее зубами. Он был без ума от этого тела и ничего не мог с собой поделать. Он только недоумевал, как могла природа наделить женщину таким телом, совершенно забыв при этом о ее лице. Лицо Марии – плоское, застывшее, порой просто отвратительное, отпугивало его.

«Как она в артистки-то попала? – удивлялся он. – Ну да, там грим, то-се... И потом, они, я слышал, все туда через постель попадают, а в постели она, конечно...»

– Ладно, одевайся! – спокойно произнес он, отводя глаза. – Скоро, наверно, парни должны подъехать... а ты тут сверкаешь! И за бабой присмотреть надо – мало ли что!

– Да что с ней может случиться? – презрительно сказала Мария, поглубже пряча свое разочарование. – Подвал заперт, никого в доме нет...

– Все равно приглядывать нужно! – назидательно ответил Темин. – Нам только еще не хватало, чтобы она руки на себя наложила или еще что... Она ела сегодня?

– Да не ест она ничего! – зло сказала Мария. – Сидит, уставясь в одну точку, как чокнутая! Когда мы от нее избавимся?

– Когда скажут, – коротко ответил Темин. – Не твое дело.

Он вышел из спальни. Мария слушала, как он шагает по коридору, зажигает свет в ванной, включает душ. Потом она спрыгнула с кровати и, как была нагая, подбежала к настенному зеркалу и критическим взглядом прошла по своему отражению. Постепенно глаза ее наполнились невыносимой волчьей тоской, и тихий, задавленный стон kloкотнул в горле. Тогда Мария упрямо мотнула головой, так, чтобы волосы рассыпались по ее некрасивому лицу, подбоченилась, угрожающе выставив бедро, и продекламировала со злобным пафосом:

– «Ступайте, – молвил граф, – по городу нагая – и налоги я отменю», – насмешливо кивнул ей и зашагал среди собак из залы».

Однако, услышав, как Темин выходит из ванной, она торопливо отвернулась от зеркала и собрала в охапку свою одежду. Уже давно, с тех пор как бросила театр, она махнула рукой на наряды, и джинсы с курткой стали ее обычной униформой, маскировкой, под которой она прятала свою жадную, необузданную сущность в ожидании лучших времен.

Темин, не заходя в спальню, спустился по лестнице на первый этаж и зажег свет. Большая, скудно обставленная комната при электрическом освещении казалась плоской и безжизненной, как плохая фотография. Темин прислушался – в доме царила полная тишина, лишь в ванной слышался слабый плеск воды. Он угрюмо покосился на молчащий телефон и направился в коридорчик, ведущий к подвальному люку.

Откинув засов, Темин спустился вниз по деревянным ступеням. Казарина лежала на кожаном диване, безучастно глядя в потолок. Она даже не повернула головы, когда Темин подошел к ней поближе. Кожа на ее лице приобрела землистый оттенок, а вокруг потускневших глаз темнели круги. Прическа давно растрепалась, но Казарина, похоже, даже не притрагивалась к волосам. Она была похожа сейчас на впавшую в беспамятство шестидесятилетнюю старуху.

– Галина Николаевна! – негромко позвал Темин.

Казарина не пошевелилась.

– Галина Николаевна, вы хотите есть? – спросил Темин, но опять не получил ответа.

Он пожал плечами и вернулся вверх. Мария, уже одетая, сидела на диване и зевала во весь рот.

– Я есть хочу! – капризно сказала она. – И спать!

– Ты вот что, – строго произнес Темин. – Ты прежде всего эту накорми. С ложки, через соску... Ну, я не знаю, придумай что-нибудь! Не нравится мне она. Если чего случится, Корнеев мне башку оторвет!

– Опять Корнеев! – надула губы Мария. – Неужели ты его так боишься? Мне кажется, ты сам кому угодно оторвешь голову, если захочешь... Откуда в вас во всех эта рабская покорность?!

Темин сожалеюще посмотрел на нее сверху вниз и сказал сквозь зубы:

– Дура ты! При чем тут покорность? Ты вот зачем около меня вьешься? Тоже покорность? Мария негодуяюще сверкнула глазами:

– Как ты можешь это сравнивать? Тут любовь!

– Любовь! – презрительно усмехнулся Темин. – Точно, тебе из театра не надо было уходить. Вы там только о любви и мелете, будто, кроме нее, на земле ничего и нет.

Мария смерила его взглядом, который вдруг сделался холодным и враждебным.

– Ты-то уж знаешь наверняка что-то получше любви! – уничтожающе произнесла она.

– И ты узнаешь, – пообещал Темин. – Это тебе не театр. Вот останешься без дозы – тогда и узнаешь, что к чему. Или поперек того же Корнея пойдешь...

Мария подтянула коленки к подбородку и сжалась на диване в комок. Она ничего не ответила Темину, но взгляд ее сделался тоскливым и одиноким, как у побитой собаки. Темин, уставший от бесполезного разговора о чувствах, отвернулся и сказал в сторону:

– В общем, сделаешь, что я сказал... И с бабой этой обращайся поосторожнее – она и так не в себе... Жратва на кухне, в холодильнике, ну, ты знаешь... – Он озабоченно посмотрел на часы и как бы про себя заметил: – Черт, не дожусь я сегодня этих уродов!

– Вот уж действительно придурки! – мстительно пробормотала с дивана Мария. – И где ты только их нашел? Неужели нет кого-нибудь поумнее?

– Есть, наверное, – равнодушно пожал плечами Темин. – Но где же их взять? Умных на каждое дело не напасешься. Кто есть, с тем и работаешь.

– И что, кроме Кулака и Магомета, у твоего великого Корнея никого, выходит, и нет?

– Есть, конечно, – ответил Темин. – У него людей хватает. Но пока этим делом занимаемся мы. Еще вопросы есть?

Мария фыркнула и спрыгнула с дивана. Независимо подняв голову, она направилась в сторону кухни.

– Только не пойму, – сказал ей вслед насмешливо Темин, – чем тебе Кулак-то не угодил? Он мужик себе на уме, конечно, но хоть спокойный. Ты других не видела, а увидишь – вздрогнешь!

...Кулак в это время чувствовал себя далеко не спокойно. Раздосадованный неудачей, он совершал одну ошибку за другой. Вместо того чтобы потихоньку доехать до своей холостяцкой квартирке в Марьиной Роше и там в тишине и покое обдумать свое положение, он погнал машину через всю Москву в Путилково.

Дважды его останавливали гаишники – возле станции «Сокол» и у переезда через канал. Оба раза его досматривали подробно – с открыванием багажника, проверкой документов и занудными расспросами о жизни. Да и то: час поздний, а тут мужик с явно сумасшедшими, предательски бегающими глазками, и вообще, видно, что не в себе. То ли сбил кого на дороге, то ли ограбил... Кулак неестественно улыбался, сдвигая кепку на потный затылок, и божился, что едет в Тушино к тете, которую обещал с утра пораньше доставить в аэропорт. То есть засветился по полной программе.

Заплатив два приличных штрафа, он поехал потише, с остервенением проклиная всех сразу – милицию, Магомета, Темина и подлючего доктора, поселившегося на седьмом этаже.

Сначала казалось, что все пройдет гладко. Врач жил один, двери в подъезде не запирались, и даже на крышу можно было забраться без особого труда. Кстати, сам же он и предложил

Магомету проникнуть в квартиру через крышу, когда их засекла на лестничной площадке бдительная старуха-соседка. Магомет легко согласился, сказав, что абсолютно не боится высоты.

И надо же такому случиться! Кулак так и не понял, что напугало Магомета и почему он вместо того, чтобы шагнуть на балкон, шарахнулся назад. Разбираться было некогда – Кулак мигом смотал трос и сбежал раньше, чем жильцы успели всполошиться и вызвать милицию. Трос он предусмотрительно выбросил в первом же переулке и теперь молил бога об одном – чтобы никто не заметил припаркованной возле злосчастного дома «Волги». Ему казалось, что свидетелей быть не должно – все спали мертвым сном, да и он смылся оттуда раньше, чем кто-нибудь что-то понял.

Однако теперь его страшила встреча с Теминым – он остался один, и вся вина падет теперь на его голову, хотя он ни капельки не виноват, а всю операцию завалил дурак Магомет. Надо было спускаться первым самому, с сожалением подумал Кулак, не желая признаться даже в душе, что ни за какие коврижки не пошел бы никуда первым, разве что за дармовыми деньгами.

Он чувствовал, что Темин не станет слушать его оправданий, – последнее время шеф сделался злым, как собака. Его можно понять – над этим последним делом будто рок висит. Сначала они, сами того не желая, прихлопнули Казарина, а теперь вот Магомет, и, главное, все напрасно. Кулак поежился – в этом все дело, поручения они не выполнили. Терпение шефа может лопнуть, и тогда...

Самое лучшее было бы сейчас сбежать, тоскливо подумал Кулак, рвануть когти и залечь где-нибудь. Но как сбежишь, если у него здесь хата и денежки накопленные хранятся на разных счетах? Бросать жалко, а пока все соберешь – тут тебя и сцапают.

Ладно, бог не выдаст, свинья не съест, подумал Кулак, и не из таких ситуаций выбирались. Человек Темин или нет, в конце концов, – должен понять, что в этом проколе его, Кулака, вины нет, а просто несчастная случайность, перст судьбы, так сказать.

Свернув на развязке на Путилковское шоссе, Кулак, немного успокоенный, откинулся на сиденье, прибавил скорость и даже замурлыкал какую-то песенку. Однако мелодию тут же пришлось оборвать – он как ошпаренный врезал по тормозам и смачно выругался, вцепившись в руль. Наперерез ему с Кольцевой дороги вихрем скатилась колонна мотоциклов, угрожающе сверкая ослепительно белыми огнями. С оглушительным треском мотоциклы повернули на Путилковское шоссе и помчались с бешеной скоростью, растворившись в ночи, как призраки. В свете фар Кулак успел рассмотреть мрачноватые фигуры мотоциклистов, наряженные в черные куртки с эмблемами, – их было не менее двадцати человек. У многих за спиной, как приклеенные, сидели девушки с распущенными волосами.

Кулак знал, что в этих местах мотается по ночам банда мотоциклистов, слышал, что люди они отчаянные и серьезные, не признающие никаких машин, кроме «Харлеев», а значит, и состоятельные, между прочим, но вот так, вплотную, сталкивался с ними впервые.

Он поехал осторожнее, опасаясь, что колонна повернет назад, а на их скоростях может случиться любая неприятность. Однако больше мотоциклисты ему не попадались. Он миновал Путилково и, когда впереди замаячила черная стена леса, свернул на асфальтированную дорожку, ведущую к загородному дому Темина.

В доме горел свет. Кулак остановил машину напротив ворот, нехотя вылез из кабины и с тяжелым сердцем нажал на кнопку звонка. Входная дверь дома отворилась, и высокая фигура быстрыми шагами направилась к воротам – Темин сам вышел встречать машину. Он отпер калитку, выглянул и молча пошел открывать ворота.

Кулак сел за руль и завел машину во двор. Темин ждал, стоя возле крыльца. Кулак не спеша вылез из машины, захлопнул и заботливо подергал дверцу, обошел «Волгу» кругом, проверил, заперт ли багажник.

– Что ты там драчишься? – нетерпеливо окликнул его Темин. – Я тебя жду. А где Магомет?

Кулак осторожно приблизился.

– Понимаешь, шеф, – сказал он, отводя глаза. – Понимаешь, лажа вышла... Такое дело!

Темин больно сжал пальцами его подбородок и заставил повернуть лицо.

– Ей-богу, шеф! – взмолился Кулак. – Я тут ни при чем!.. Больно же!

– Где Магомет, сволочь?! – выдохнул Темин, отталкивая от себя подручного.

Кулак отшатнулся, побледнел и обреченно махнул рукой.

– Кончился Магомет! – сказал он.

– Та-ак! – протянул Темин, рассматривая Кулака с головы до ног. – А ты, значит, жив и здоров?.. Дело сделал?

– Да, ей-богу, шеф! – заныл Кулак, предусмотрительно отступая на шаг. – Сам еле ноги унес! Не поверишь, такая подлянка вышла! Кто мог ожидать? Я сейчас все тебе расскажу...

– Конечно, расскажешь! – проговорил сдержанно Темин. – Я с нетерпением жду твоего рассказа. Заходи в дом и рассказывай.

Он поднялся на крыльцо и распахнул дверь. Кулак, опустив голову, пошел за ним, бормоча: «Ей-богу, шеф! Ты бы сам...» Темин пропустил его вперед и, не удержавшись, дал хорошего тычка в спину. Кулак шарахнулся вперед, быстро перебирая ногами. Кожаная кепка слетела с его головы и шлепнулась на пол.

– Иди-иди! – процедил Темин. – Рассказчик!

Они вошли в ярко освещенную комнату. Мария, дремавшая на диване, приподняла голову и, пронизательно посмотрев на жалкое, трясущееся лицо Кулака, удовлетворенно заключила:

– Отсюда вижу – опять наш Кулачок обоссрался! Опять за рулем отсиживался, Кулак?

Кулак беспомощными незрячими глазами посмотрел на нее, а Темин коротко бросил:

– Заткнись!

Он подошел к дивану и уселся рядом с Марией, недобро глядя на переминающегося с ноги на ногу Кулака.

– Ну, давай, – тихо сказал он. – Докладывай.

Запинаясь и божась через каждое слово, Кулак рассказал, как погиб Магомет. Под конец он жалобно посмотрел на Темина и сказал с надрывом:

– Ну что – лучше бы было, если бы меня повязали? Лучше?!

– Лучше для тебя было бы, если бы ты сам сорвался с крыши, – ответил Темин.

– А что я мог сделать, что?! – истерически выкрикнул Кулак.

– Да врет он все, – лениво сказала Мария. – Он и на крыше-то не был. Наверняка в машине сидел...

– Я сказал тебе – заткнуться! – бросил Темин и пристально посмотрел Кулаку в глаза. – Пушка у кого была?

– У Магомета, – буркнул Кулак и торопливо добавил: – И слава богу – меня по дороге сюда менты шмонали, так я чистый!

– Та-ак! – зловеще произнес Темин. – Ты еще и ментам глаза намозолил! Молодец!

– Да я чего! – растерялся Кулак. – Я чистый.

– Ты замаран по уши, – спокойно возразил Темин. – Не отмоешь.

– Да ты что, Костя! – испугался Кулак. – Ты куда клонишь?

Темин встал и подошел к нему вплотную. Кулак невольно попятился, но внушительная фигура шефа снова нависла над ним.

– Ты, падла, знаешь, сколько мне дали сроку на врача? – спросил Темин. – Два дня. Вы, два урода, примеривались целые сутки и запероли все в первую же минуту! Что я завтра скажу?

– Ей-богу, шеф, – прошептал Кулак. – Я его завтра же, с утраца... тепленького! Еще один шанс, шеф!

Темин без замаха двинул его кулаком под дых и тут же добавил удар в челюсть. Кулак с грохотом полетел на пол. Мария захлопала в ладоши. Темин повернулся к ней и страшно оскалился. Марию будто ветром сдуло.

Темин подошел к поверженному Кулаку и ткнул его в бок носком ботинка.

– Поднимайся! – приказал он. – Слышишь?

Кулак со стоном попытался встать, но у него ничего не получилось. Приподнявшись на руках, он повернул к Темину искаженное болью лицо и умоляюще просипел:

– Один шанс, шеф!

Темин отрицательно покачал головой.

– Никаких больше шансов. Теперь ты вообще отсюда не выйдешь... Мария! Ступай, загни машину в гараж!

Он расстегнул пиджак и выдернул из-за пояса пистолет. Мария, непривычно притихшая, проскользнула мимо него и вышла в коридор. Темин передернул затвор и прикрикнул:

– Шевелись! Я что, всю ночь буду около тебя стоять?

Кулак с усилием встал на ноги, держась обеими руками за живот.

– Что ты собираешься делать, шеф? – с отчаяньем спросил Кулак.

– Пока просто запереть тебя в подвале, – усмехнувшись, сказал Темин. – Пусть руководство решает... Шагай!

Кулак, смирившись, повернулся и пошел, волоча ноги. Темин заставил его открыть подвальный люк и повелительно махнул пистолетом.

– Веди себя культурно, – предупредил он. – А то поймаешь пулю!

Кулак на ватных ногах сполз в подzemелье. Темин захлопнул люк и задвинул засов. Когда вернулась Мария, он в глубокой задумчивости стоял возле телефона, болезненно морща лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.